

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 4 (17) 2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующий кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонали, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Таиланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 15.12.2025. Дата выхода в свет: 19.12.2025.

Усл. печ. л. 7. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гарбовский А.И.</i> Баланс частного и публичного интересов в российском праве	4
--	---

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Курдюк П.М., Павлов Н.В.</i> К вопросу о правовом положении территориального общественного самоуправления в Российской Федерации	8
<i>Лупарев Е.Б.</i> Метод административно-правового регулирования как элемент теории административных правоотношений	14
<i>Пащенко И.Ю.</i> Искусственный интеллект в государственном управлении: проблемы и перспективы регулирования.....	19

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Инишкова А.О., Тымчук Ю.А.</i> Использование ГМО в сельском хозяйстве: поиск сбалансированного нормативного подхода в России и за рубежом	27
<i>Маркосян Г.А.</i> Правовой статус ИИ-агента: может ли нейросеть нести ответственность за сделку?....	34
<i>Матыцин Д.Е., Федорова П.А.</i> Семейное предпринимательство в эпоху цифровых технологий: правовой аспект	40
<i>Щенникова Л.В.</i> Отходы как объект права собственности и гражданско-правовые основы извлечения из них экономической и социальной ценности	48

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Костенко Р.В.</i> Использование генеративного искусственного интеллекта в расследовании преступлений как фактор профессиональной компетентности следователя	55
<i>Шехов Э.О.</i> Процессуальный статус лица, страдающего психическими расстройствами и ставшего жертвой преступления	61

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-4-7>

**БАЛАНС ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСОВ
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**

Гарбовский А.И.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гарбовский А.И. Баланс частного и публичного интересов в российском праве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):4–7. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-4-7>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гарбовский Андрей Иосифович, соискатель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (861) 293-80-43

E-mail: garbovskii1984@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Статья принята к печати: 25.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Цель исследования состоит в изучении механизма соотношения частного и публичного интересов в современном российском праве, а также форм, способов и значения обеспечения их баланса. Задачи исследования представлены совокупностью теоретико-правовых оснований, подлежащих установлению при характеристике механизма соотношения и баланса интересов в российском праве, а именно состоят в определении содержания, форм, правовых средств и способов обеспечения соотношения и баланса интересов в праве. Методология исследования основана на системном подходе и представлена совокупностью общенаучных и частноправовых методов. Полученные выводы и результаты исследования позволяют сформировать представление об актуальных правовых средствах и способах опосредования частных и публичных интересов в праве, обеспечивающих их согласованность и баланс в российском праве.

Ключевые слова: соотношение и баланс частных и публичных интересов, формы опосредования интересов в праве, правовые ограничения и стимулы, правовые средства и способы.

Введение

В условиях общественного развития и изменчивости его объективных условий категории публичного и частного интересов и их соотношение постоянно эволюционируют. Несмотря на заинтересованность государства в общем благе, факторы, влияющие на баланс частных и публичных интересов и меры их правового регулирования, не являются постоянными и неизменными величинами, а детерминированы соотношением политических сил в обществе, устройством государственного аппарата и местом прав и свобод личности в механизме правового регулирования и иерархии правовых ценностей.

На современном этапе развития российской правовой системы стабильность общественных отношений и поддержание сбалансированного соотношения интересов «в системе человек – общество – государство обеспечивается социальной выраженностью права и его ориентацией на сотрудничество и кооперацию разнонаправленных интересов не только в правообразовании, но и в правоприменении» [5, с. 4].

Конституционные положения о социальной кооперации и партнерстве государства и общества и максимы правового государства и верховенства прав и свобод человека и гражданина отражают особенности современного правового развития и соотношения интересов в обществе.

Внешним критерием «согласования интересов и фиксации состояния сбалансированности разнородных социальных процессов» является соответствие актуального законодательства прогрессивным потребностям и интересам общества [8, с. 32]. При этом предмет интереса может быть сформулирован в виде целей или принципов конкретного законодательного акта. Установление целей правового регулирования позволяет установить и подлежащий защите интерес. Соответственно, формулировка целей правового регулирования имеет существенное значение при соотношении частных и публичных интересов на стадии их закрепления. Например, нормативное закрепление целей и задач правового регулирования определенной сферы, рода или вида общественных отношений, как правило, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения и развития общества, является внешним признаком участия публичного интереса. В реализации этих задач и достижении цели и будет состоять публичный интерес.

Вместе с тем не всегда охраняемые интересы находятся на поверхности. Многие законодательные положения не только не содержат нормативных формулировок целей, задач и принципов, но и допускают противоречия и неточности, порождающие неудовлетворенность, социальную напряженность и конфликтность. Выявление актуальных интересов и их учет при принятии правовых предписаний и их исполнении представляется, таким образом, важным элементом эффективного механизма правового регулирования. Соответственно, научные исследования теоретических оснований и предпосылок формирования и соотношения частных и публичных интересов в правовом регулировании отдельных групп общественных отношений представляются весьма востребованными современной юридической наукой и практикой.

С учетом общественно-исторического характера правовых интересов в настоящей работе предпринята попытка осмысления значения и форм соотношения частных и публичных интересов в механизме правового регулирования современного российского права, обеспечивающих их эффективное и согласованное удовлетворение и баланс.

Методы исследования

Реализация цели исследования обеспечена применением комплексного научного инструментария, представленного совокупностью методов и приемов познания. В частности, проблемы целеполагания и историография вопроса изучались при помощи историко-правового, диалектического и формально-юридического методов познания. Для определения содержания понятийного аппарата и установления многообразия юридических форм и способов выражения и соотношения интересов в праве применялись системно-структурный и логические методы.

Результаты исследования

Соотношение интересов в праве – сущностный признак права, позволяющий определять его социальное назначение и основные направления государственной политики. Согласованность и баланс частных и публичных интересов – возможный результат соотношения интересов в праве.

Законодательное закрепление цели принятия нормативного акта обеспечивает эффективное опосредование и согласование частноправовых и публично-правовых начал. При этом исполнимыми являются только обеспеченные необходимыми для своего осуществления средствами цели, а значит, они также должны отвечать актуальным интересам. Следовательно, и законодательные цели, и средства и способы их достижения должны отражать соотношение затрагиваемых в определенной сфере правового регулирования интересов.

Актуальные правовые средства и способы опосредования частных и публичных интересов представлены сложным юридическим инструментарием, включающим разнообразные организационно-правовые формы. В частности, к ним относят: субъективные права и обязанности, охраняемые законом интересы, правовые институты и формы их реализации и пр. Так, комплексный правовой институт и организационно-правовая форма, обеспечивающие реализацию, охрану и защиту в механизме правового регулирования в качестве охраняемого объекта частных и публичных интересов, представляют собой средство и одновременно результат соотношения частного и публичного интересов, например банкротство, саморегулирование и пр.

В российском праве согласованность и баланс интересов достигаются в том числе посредством установления правовых ограничений и стимулов. В частности, локализация осуществления субъективных прав представляет собой ограничения реализации частных интересов публичным интересом или ограничение степени осуществления одних частных интересов с целью обеспечения возможности реализации других. Вместе с тем частные интересы не ограничивают действие норм

публичного права, однако частный интерес определенной группы в случае признания его социальной обусловленности может служить основанием соотношения интересов.

Научная дискуссия

Исторический опыт изучения и опосредования интересов в праве свидетельствует об их методологической и смыслообразующей роли. При этом социальная и политическая обусловленность правовой мысли и ее научных направлений и правовых течений сама по себе отражает взаимную обусловленность права, интересов и правовых учений. В зависимости от представленных в конкретном обществе интересов и целей государственной политики определяется содержание не только правовых предписаний, но и воззрений, идеологии, культуры и последующих научных концепций этого общества, которые представляют собой фундаментальные начала последующих преобразований в нем. Эти процессы иллюстрируют общие закономерности развития интересов, права и правовых учений, их динамизм и исторический характер.

В развитии современной правовой науки прослеживается влияние понимания права социологической юриспруденцией как «средства согласования и соотношения интересов»¹. Сущность права не рассматривается более как противоречивая субстанция сама по себе, а как сфера реализации и соотношения встречающихся интересов, то есть «средство достижения юридически защищенного интереса» [4, с. 31; 10, с. 2]. В праве должны сочетаться и согласовываться противоречивые и социально значимые частные и публичные интересы во всех сферах общественных отношений, независимо от субъектного состава участников и типа правового регулирования (частноправового или публично-правового).

Проблема соотношения интересов в праве рассматривалась в научных работах таких современных правоведов, как Н.М. Коршунов, Д.Н. Горшунов, И.Ю. Туров, Г.Э. Адыгезалова, Г.М. Азнагуловой и др. [1–5; 7; 11].

Так, Н.М. Коршунов, рассматривая интерес как один из материальных критериев разграничения частногоправовой и публично-правовой сфер регулирования, выделил «методологическое значение вопроса определения понятия, содержания и соотношения частного и публичного интересов для изучения социальной сущности правовых явлений и построения системы права». Вместе с тем, как отмечает ученый, «деление права на частное и публичное не является абсолютным и предполагающим исключительно публичный и частный интерес в качестве охраняемого объекта. Многие нормы частного права охраняют и публичный интерес, а публичного права охраняют и частный интерес». Следовательно, автор приходит к обоснованному выводу о необходимости сочетания частных и публичных интересов в праве, а не их противопоставления [7, с. 55].

А.В. Кряжков также видит в «оптимальном соотношении институтов публичного и частного права наилучшее средство баланса частных и публичных интересов» [8, с. 92].

Д.Н. Горшунов, придерживаясь координационного подхода к согласованию интересов, «взаимосвязь частного и публичного интересов усматривает в их взаимной обусловленности, поскольку частный интерес может быть реализован только публичным порядком, а публичный интерес обеспечивает реализацию частного» [5, с. 96]. В результате такой взаимосвязи итогом соотношения частного и публичного интересов в определенной сфере общественных отношений является обособление «частно-правовых отношений» смешанной природы [5, с. 97].

Примечательно, что большинство современных авторов признают проникновение элементов частногоправового регулирования в сферу публичного права и публично-правовых элементов в сферу частного права эффективным способом соотношения интересов в праве. С этой целью могут применяться ограничивающие или, наоборот, стимулирующие правовые средства и способы и организационно-правовые формы.

Механизм соотношения интересов в праве должен включать различные правовые средства и способы, обеспечивающие их выявление, учет, согласование и баланс. При этом согласованность правового регулирования должна достигаться не только правотворческой деятельностью, но и эффективной правоприменительной деятельностью. «Правотворческий орган выявляет правообразующий интерес и формулирует на его основе нормы, обеспечивающие баланс интересов в процессе правового регулирования, а правоприменительный орган должен правильно толковать цели правового регулирования и правовые принципы с учетом всех фактических обстоятельств каждой конфликтной ситуации» [1, с. 10].

Вместе с тем юридические средства и способы, ограничивающие права и свободы граждан, имеют законодательно установленные пределы. Допустимые ограничения могут быть установлены «в виде

¹ Першина И.В. Интерес в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 32.

запретов, возложения дополнительных обязанностей и ответственности только в целях защиты конституционно признаваемых ценностей и при соблюдении баланса между интересами личности, общества и государства»¹. При этом охрана конституционно признаваемых ценностей – сформулированный в ст. 17 Конституции РФ публичный интерес. В Основном законе закреплены наиболее важные правовые положения для общества, составляющие политико-правовые (конституционные) основы государства и служащие критерием согласования интересов.

Следовательно, баланс частного и публичного интересов при проникновении публичного интереса в частную сферу достигается посредством совокупности юридических средств и способов, с одной стороны, допускающих ограничения частного интереса публичным, а с другой стороны, предписывающих формализованный порядок и случаи такого вмешательства. Примечательно, что частный интерес не имеет ограничивающего действия на публично-правовую сферу. Его влияние ограничено в публично-правовой сфере только стимулирующим действием. Например, санкционирование форм государственно-частного партнерства служит одновременно удовлетворению как имущественных, так и социальных интересов.

Таким образом, система соотношения интересов в праве, обеспечивающая баланс частного и публичного интересов, направлена на поддержание и воплощение конструкций социального и правового государства. А совокупность формирующих эту систему юридических средств, способов и организационно-правовых форм представляет собой механизм эффективного правового воздействия.

Список использованной литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Традиция деления права на частное и публичное: теоретико-правовой анализ в продолжение дискуссий. *Современное право*. 2023;(2):5–10.
2. Адыгезалова Г.Э. Соотношение частного и публичного права с позиции социологического правопонимания. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;(62(12–2)):13–16.
3. Азнагулова Г.М., Анисимов В.А., Гиззатуллин Р.Х. и др. Интересы в праве: монография / под ред. Г.М. Азнагуловой. М.: Юрлитинформ; 2019.
4. Арзамасов Ю.Г. Идеиные истоки социологии права. *История государства и права*. 2007;(3):31–34.
5. Горшунов Д.Н. Интерес в частном праве: вопросы теории: монография / под общ. ред. Ю.С. Решетова. Казань: Изд-во Казан. ун-та; 2005.
6. Завгородняя А.А. Интересы в праве: сущность, виды соотношение: монография. М.: Юрлитинформ; 2024.
7. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: ИНФРА-М; 2011.
8. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита. *Государство и право: Наука*. 1999;(10):91–99.
9. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс; 2004.
10. Палеха Р.Р. Социологическая юриспруденция: генезис идей. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2010;(9):1–3.
11. Туров И.Ю. Теоретические вопросы обеспечения баланса частных и публичных интересов в праве. Ростов н/Д; 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гарбовский Андрей Иосифович

соискатель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

¹ Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-8-13>

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Курдюк П.М.*, Павлов Н.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
(Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350044)

Ссылка для цитирования: Курдюк П.М., Павлов Н.В. К вопросу о правовом положении территориального общественного самоуправления в Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):8–13. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-8-13>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Курдюк Петр Михайлович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

Адрес: Калинина ул., д. 13, г. Краснодар, Россия, 350044

Тел.: + 7 (988) 248-59-77

E-mail: nik281@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Статья принята к печати: 24.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: *Целью* работы выступает анализ вопросом правового положения территориального общественного самоуправления в Российской Федерации. Важность исследования обусловлена тем, что местное самоуправление занимает ключевое место в структуре демократического устройства государства, обеспечивая гражданам возможность участвовать в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения). Это участие реализуется как через представительные органы муниципального уровня, так и посредством различных форм прямого волеизъявления населения. Территориальное общественное самоуправление выступает эффективным институтом реализации конституционного права жителей муниципальных образований участвовать в управлении на местах. Органы местного уровня власти и территориального общественного самоуправления взаимодействуют в различных сферах.

В рамках написания научной статьи авторы использовали теоретические (анализ и обобщение положений действующего законодательства и юридической литературы, выявление проблем) и эмпирические (сравнение статистических данных, разработка путей решения пробелов посредством обобщения результатов исследования) *методы*.

В результате исследования обосновано положение о том, что территориальное общественное самоуправление является самостоятельным институтом гражданского общества, наиболее приближенным к населению муниципальных образований, однако имеющем проблемы. Речь идет о недостаточной регламентации правового положения, порядка финансирования и контроля за расходованием выделенных средств поддержки, разграничением полномочий между органами территориального общественного самоуправления и местного самоуправления, вопросах ответственности за неисполнение принятых решений, а также за нарушение прав и законных интересов граждан. Комплексный подход к решению приведенных проблем способствует дальнейшему развитию и повышению эффективности института территориального общественного самоуправления.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, местное самоуправление, муниципальное образование, вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения), правовое положение, население, собрание (конференция), демократия.

Введение

В Российской Федерации территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) занимает важное место среди форм участия граждан в управлении на местном уровне и признано одной из наиболее эффективных моделей реализации народовластия. ТОС выступает наиболее демократизированной формой непосредственного осуществлением местного самоуправления [6, с. 50]. Под ТОС обычно понимается объединение жителей определенной части муниципального образования по месту проживания с целью самостоятельного решения вопросов, непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и относящихся к компетенции местного значения¹. Основным документом ТОС является устав, который позволяет организации получить статус юридического лица после государственной регистрации в качестве некоммерческой организации. Правовые вопросы создания, функционирования и выделения финансовых средств из муниципального бюджета для ТОС подробно регулируются локальными нормативными актами представительных органов муниципальных образований.

Законодательство Российской Федерации закрепляет несколько основных форм непосредственного участия граждан в работе ТОС:

- проведение собраний или конференций жителей;
- формирование выборных органов ТОС.

Органы ТОС избираются непосредственно жителями соответствующей территории на специально созываемых собраниях или конференциях.

ТОС по своему конституционно-правовому значению представляет собой особую форму вовлечения населения в управление на уровне местного самоуправления деятельность которой строится исключительно на принципах добровольности и согласуется с требованиями уставов муниципалитетов [9, с. 76]. Эта позиция неоднократно подтверждалась постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации. Будучи частью системы местного самоуправления, ТОС обладает самостоятельными правовыми интересами, которые подлежат защите от неправомерных ограничений со стороны других субъектов публичной власти, включая органы самого муниципального образования [7, с. 55]. Таким образом, данная форма самоорганизации не противопоставляется институтам местного самоуправления и не призвана заменять их полномочия в пределах отдельной территории муниципалитета.

Методы исследования

В данной статье использовался широкий комплекс научных методов, включая диалектический подход, логический анализ, методы сравнительного правоведения, а также системный и структурно-функциональный подходы. Для обработки и интерпретации эмпирических данных применялись статистические и прогностические методы, а для оценки правовых норм – формально-юридический инструментальный анализ.

Результаты исследования

В ходе исследования обозначены проблемы правового положения территориального общественного самоуправления в Российской Федерации, в том числе в контексте муниципальной реформы. По результатам рассмотрения сделан вывод о важности нивелирования пробелов института в целях повышения его эффективности и укрепления правового положения.

Научная дискуссия

ТОС характеризуется рядом специфических особенностей, выделяющих данный институт от других институтов публичной власти в системе местного самоуправления. В первую очередь следует отметить, что органы ТОС не входят в систему органов муниципальной власти. Их нельзя рассматривать как самостоятельные структуры местного управления, поскольку им не предоставлены полномочия для независимого решения задач, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения. Основной движущей силой их деятельности является инициатива граждан [1, с. 121]. Соответственно, решения, принимаемые этими органами самоорганизации населения, не обладают универсальным обязательным характером для всех жителей муниципального образования и не

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

подкреплены инструментами государственного воздействия или механизмами принудительного исполнения.

Как уже отмечалось ранее, формирование ТОС происходит исключительно по волеизъявлению населения, создание таких органов не является обязательным элементом устройства любого муниципалитета в Российской Федерации. Однако важно подчеркнуть, что основа правового регулирования местного самоуправления заложена Конституцией Российской Федерации и соответствующим законодательством – а не только инициативой граждан. Из этого следует вывод, ТОС представляет собой дополнительный способ вовлечения гражданского общества в процессы управления на местах.

На территориях муниципальных образований, где действуют органы ТОС, отсутствуют признаки публично-правового образования. Данные органы лишены статуса муниципальных образований и полномочий по установлению регламентирующих норм для всей территории муниципалитета, соответственно они также не уполномочены заменять легитимные органы местной власти.

Таким образом институциональная природа ТОС проявляется в его особом положении. Данный институт представляет собой форму организации гражданского общества и занимает специфическое место среди инструментов локальной демократии [11, с. 557]. Как разновидность непосредственного участия населения институт способствует развитию гражданской активности на местах – вовлекая жителей в решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и улучшая условия жизни отдельных сообществ внутри муниципалитета. Поэтому значение ТОС для развития системы местного самоуправления велика.

Опыт внедрения механизмов ТОС охватывает подавляющее большинство регионов страны. Тем не менее детальный анализ распространенности этой формы участия демонстрирует существенные различия между субъектами Российской Федерации как по числу созданных органов самоорганизации населения, так и по степени их активности [8, с. 213]. Например, на территории Южного федерального округа функционирует около 9 тысяч подобных органов¹, при этом лидирующее положение по количеству зарегистрированных органов ТОС занимает Краснодарский край (6,5 тысяч) [10, с. 24]. Органы местного уровня власти и ТОС взаимодействуют в различных сферах (оказание услуг жителям муниципального образования, организация культурных мероприятий). Данные положения находят свое отражения в муниципальных нормативных актах, регулирующих порядок осуществления деятельности ТОС. Например, органы местного самоуправления муниципального образования город Краснодар содействуют органам ТОС в осуществлении их задач и координируют их деятельность². Важным фактором активизации деятельности рассматриваемых органов становится реализация национальных проектов [4, с. 95]. Благодаря отмеченному, органы ТОС все чаще выступают инициаторами и исполнителями различных проектов и инициатив. Так, согласно данным за 2024 год, около 70 % заявленных на краевой конкурс «Инициативное бюджетирование» проектов были сформированы при непосредственном участии представителей отмеченной формы самоорганизации граждан Краснодарского края³. С целью стимулирования самостоятельной активности жителей по решению локальных вопросов ежегодно проводится конкурс «Лучший орган территориального общественного самоуправления», учрежденный постановлением Законодательного Собрания Краснодарского края от 28.02.2007 № 2936-П⁴. Органы местного самоуправления организуют консультации и обучающие семинары, в рамках которых происходит обмен опытом работы органов рассматриваемой формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления по участию граждан в благоустройстве территорий дворов, улиц, микрорайонов, населенных пунктов и разработка дальнейшего направления развития.

Однако, несмотря на значительный потенциал, развитие ТОС в России сталкивается с рядом проблем [5, с. 95]. Одной из ключевых среди которых является неопределенность правового положения.

¹ В ЮФО активно развивается территориальное общественное самоуправление [сайт]. РИАЦ – Новости Волгограда и Волгоградской области; 2025 [обновлено 28 апреля 2025; процитировано 15 октября 2025]. Доступно: <https://riac34.ru/news/197236/>.

² О территориальном общественном самоуправлении в муниципальном образовании город Краснодар: Решение Городской Думы Краснодара от 26.01.2006 № 6 п. 2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Форум «День ТОС Краснодарского края – 2024» состоялся в Краснодаре [сайт]. Совет при губернаторе Краснодарского края по развитию гражданского общества и права человека; 2024 [обновлено 5 июня 2024; процитировано 15 октября 2025]. Доступно: <https://sovet-nko.ru/?p=27233>.

⁴ В краевом парламенте подвели итоги регионального конкурса на звание «Лучший орган ТОС» [сайт]. Законодательное Собрание Краснодарского края; 2025 [обновлено 19 марта 2025; процитировано 15 октября 2025]. Доступно: <https://www.kubzsk.ru/news/34599/>.

Современное законодательное регулирование ТОС характеризуется существенными пробелами, что осложняет однозначное толкование соответствующих норм и создает трудности при их практическом применении. Особенно остро это проявляется в вопросах определения правосубъектности ТОС. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» содержит лишь одну статью о ТОС, которая определяет основные направления формирования и функционирования данного института. При этом многие важные аспекты остаются на усмотрение муниципальных органов власти. Такая ситуация обуславливает значительную вариативность правового регулирования на местах и препятствует выработке единых подходов к реализации института ТОС. Следовательно, действующая нормативная база отличается высокой степенью фрагментарности в регулировании вопросов деятельности ТОС.

Как нами было ранее отмечено, ТОС может являться юридическим лицом. В свою очередь, создание юридического лица – это право, а не обязанность. Большинство предпочитают функционировать без регистрации в качестве юридического лица, что, с одной стороны, упрощает процедуру создания и функционирования, но, с другой стороны, существенно ограничивает их возможности. Отсутствие статуса юридического лица лишает возможности реализовывать комплекс мероприятий, способствующих эффективному развитию территории муниципального образования.

Вопрос финансирования деятельности ТОСов также остается недостаточно урегулированным. Закон допускает возможность получения поддержки из средств местного бюджета, однако конкретные механизмы распределения этой поддержки зачастую не регламентированы с необходимой степенью детализации, что создает почву для злоупотреблений и непрозрачности. Отсутствие четких критериев оценки эффективности деятельности также затрудняет получение финансовой поддержки.

Следует выделить проблему разграничения полномочий между ТОС и органами местного управления: практика показывает, что компетенция каждого звена часто определена размыто или неполноценно, что способствует возникновению пересечений функций или даже конфликтов интересов.

Дополнительного нормативного уточнения требуют вопросы ответственности ТОС – как за невыполнение взятых обязательств по решениям общего собрания граждан или иных органов управления, так и за возможные нарушения законных прав жителей соответствующих муниципальных образований.

ТОС может быть создано в пределах любого типа муниципального образования. Особенно восприимчивы к процессам самоорганизации сельские и городские поселения, жители которых демонстрируют более высокий уровень вовлеченности в деятельность локальных сообществ по сравнению с населением муниципальных районов и городских округов. Этот уровень муниципального устройства обеспечивает максимальную близость к жителям и предоставляет реальные механизмы для практической реализации права граждан на участие в местном самоуправлении [2, с. 132]. Стоит отметить, что развитие сельских поселений зависит от степени участия каждого жителя муниципального образования в развитии территории [3, с. 13]. Поддержка и реализация местных инициатив посредством форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия в них - залог существования и процветания сельских поселений. Вместе с тем в рамках проводимой реформы муниципальной системы предусматривается переход к одноступенчатой структуре управления за счет ликвидации ряда видов муниципальных образований, включая как городские, так и сельские поселения. При этом субъектам Российской Федерации предоставлено право сохранить двухуровневую модель, при которой присутствует как муниципальные районы, так и входящие в их состав поселения различного типа. Практика реализации муниципальной реформы показывает, что в настоящее время более 20 субъектов страны уже перешли на одноуровневую систему. В силу отмеченного возникает вопрос: «не приведет ли реформа местного самоуправления в Российской Федерации к сокращению числа органов ТОС?».

Все вышеперечисленное свидетельствует о недостаточном правовом регулировании особого института гражданского общества и говорит о необходимости преодоления неопределенности правового положения ТОС путем комплексного подхода, включающего внесение изменений в действующее законодательство и разработку практических рекомендаций по организации и деятельности. Необходимо установить однозначные критерии правосубъектности ТОС, четко разграничить предоставляемые ему права и обязанности, а также определить регламент взаимодействия с органами местного самоуправления, хозяйственными субъектами и другими участниками общественных отношений. Если ТОС не приобретает статус юридического лица, важно зафиксировать перечень полномочий, которыми он может распоряжаться в своей деятельности.

Решение проблемы правового положения ТОС будет способствовать развитию гражданского общества, повышению качества жизни на локальном уровне и укреплению доверия населения к власти. Отмеченное, в свою очередь, создаст благоприятные условия для устойчивого развития муниципальных образований и страны в целом. Также видится возможность в выделении отдельной главы в Федеральном закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, регулирующей детальней сферу данного института.

На наш взгляд, следует разработать порядок финансирования деятельности ТОС, включая прозрачные критерии распределения средств из местного бюджета и оценки эффективности деятельности. Важно установить четкий порядок предоставления финансовой поддержки, а также механизмы контроля за использованием выделенных средств. Кроме того, требуется усовершенствовать порядок взаимодействия между ТОС и органами государственной власти всех уровней: необходимо четко разграничить компетенции участников процесса управления территориями для предотвращения дублирования функций или возникновения конфликтных ситуаций.

Установление четких критериев ответственности органов ТОС, а также механизмов защиты прав граждан, пострадавших в результате деятельности отмеченной формы осуществления народом местного самоуправления позволит повысить активность населения и эффективность участия в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

В заключение отметим, ТОС прочно зарекомендовало себя как важнейший, эффективный и перспективный инструмент взаимодействия граждан с органами власти страны. Отмеченные органы создают площадку для диалога, помогают формировать повестку дня органов власти с учетом нужд населения, а также выступают отличной возможностью для обеспечения реального участия населения в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности. В свою очередь, в настоящее время правовая регламентация данной формы самоуправления в России остается недостаточно разработанной и требует дальнейшего совершенствования. Решение рассмотренных в работе проблем позволит повысить эффективность деятельности, укрепить правовое положение и создать благоприятные условия для развития гражданской активности на местном уровне. Совершенствование правовой регламентации ТОС является важным шагом на пути к развитию демократии и укреплению местного самоуправления в России.

Список использованной литературы:

1. Гоман С.В., Рудченко Т.И. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления: роль территориальных общин. *Современное государственное и муниципальное управление: проблемы, технологии, перспективы: сборник материалов X Международной научно-практической конференции (Донецк, 25 апреля 2024 г.)*. Донецк: Донецкий национальный технический университет; 2024.
2. Дашин А.В., Павлов Н.В., Очаковский В.А. Общетеоретические вопросы реформы местного самоуправления в Российской Федерации. *Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 2024;(54(2)):126–134.
3. Курдюк П.М., Павлов Н.В. Актуальные проблемы развития сельских поселений как основного вида муниципального образования. *Юриспруденция: теория и практика*. 2024;(3):10–16.
4. Медведева Н.В. Особенности организации и проблемы развития ТОС в условиях территориальной дифференциации. *Социодинамика*. 2021;(4):94–101.
5. Мясникова Т.А., Заволока Ю.Е. Развитие территориального общественного самоуправления в Краснодарском крае. *Экономика и управление народным хозяйством. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2020;(8):90–99.
6. Овчаренко Р.К., Степанищева П.А. Территориальное общественное самоуправление: новый взгляд на возможности и перспективы влияния на создание городской среды. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2024;(3):46–51.
7. Сергеев Д.Б. Территориальное общественное самоуправление: история и современность, перспективы совершенствования законодательства. *Конституционное и муниципальное право*. 2024;(7):54–57. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-7-54-57.
8. Сергеев С.И. Проблемы развития института территориального общественного самоуправления в современных условиях. *Научные исследования высшей школы по приоритетным направлениям науки и техники: Сборник статей Международной научно-практической конференции (Тюмень, 25 января 2022 г.)*. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна»; 2022.
9. Сихварт Н.А. Проблематика развития территориального общественного самоуправления в России. *Актуальные исследования*. 2023;(141(11)):76–78.
10. Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года / В.Б. Кидяев, Е.Б. Шулепов, И.В. Бабичев и др. *Местное право*. 2021;(2):15–62.

11. Шмелева А.Ю. Проблема общественного участия населения в территориальном общественном самоуправлении. *Форум молодых ученых*. 2020;(45(5)):556–560.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курдюк Петр Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

Павлов Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
ORCID: 0000–0002–5164–3351

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-14-18>

МЕТОД АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕОРИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Лупарев Е.Б.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б. Метод административно-правового регулирования как элемент теории административных правоотношений. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):14–18. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-14-18>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.10.2025

Статья принята к печати: 21.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение одного из фундаментальных вопросов теории административного права – вопроса о месте метода административного права в системе способов воздействия административного права на регулируемые государственно-управленческие отношения.

Задачей статьи выступает анализ сходных с методом административного права элементов структуры и содержания административных правоотношений для раскрытия взаимосвязи метода административного права со структурой и содержанием административного правоотношения.

В силу того, что проблема метода административного права выходит за рамки исключительно административно-правовой науки, автором используются достижения общей теории права в части, касающейся теории метода правового регулирования. Высказывается идея наличия правонаделительных отношений, реализуемых через метод делегирования полномочий. Доказывается тезис о том, что если же речь идет об индивидуальном установлении прав и обязанностей через методы административного права, то метод административного права связывается с конкретным субъектом административных правоотношений и, следовательно, может быть включен в структуру правоотношения.

Ключевые слова: метод административного права, административное правоотношение, правонаделительные отношения.

Введение

Метод правового регулирования в целом и метод административного права, в частности, выступают фундаментальными теоретическими конструкциями, определяющими не только дифференциацию отраслей российского права, но и специфику соответствующих правоотношений. Метод административного права неодинаково реализуется при правовом воздействии и правовом регулировании. Исходя из этого в работе поставлена задача определения места метода административного права в механизме воздействия административного права на государственно-управленческие отношения. Административные правоотношения не могут существовать в отрыве от метода административного права, и, соответственно, задачей исследования выступает выявление теоретических и практических аспектов такой взаимосвязи.

Методы исследования

Российская юридическая наука базируется на фундаментальном теоретическом обосновании механизма административно-правового регулирования через правоотношение с использованием методов административно-правового регулирования. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых и управленческих в контексте избранной темы.

Результаты исследования

Результатом исследования является совокупность выводов о соотношении метода административного права и административного правоотношения. Выделен ряд обстоятельств, позволяющих говорить о том, что разные методы административного права по-разному трансформируются в способах воздействия административного права на государственно-управленческие отношения. Метод административного права может быть реализован в рамках административного правоотношения и вне его. При реализации метода административного права вне конкретных правоотношений могут, тем не менее возникнуть правонаделительные правоотношения, в рамках которых реализуется метод делегирования публично-властных полномочий. В административном правоотношении метод административного права связывается с конкретным субъектом путем установления для него индивидуальных дозволений, предписаний, запретов и даже рекомендаций, если таковые фактически носят императивный характер.

Научная дискуссия

Взаимосвязь теории метода административного права и теории административных правоотношений базируется на общетеоретическом понимании способов воздействия права на общественные отношения. Государство юридически воздействует на общественные отношения либо через механизм правового регулирования, либо через правовое воздействие. Если соотносить указанные явления с методом административного права, то налицо различные уровни воздействия государства на общественные отношения через нормы права. С высокой степенью очевидности можно утверждать, что правовое воздействие и правовое регулирование в целом представляют собой макроуровень метода воздействия права на общественные отношения. Конкретные отраслевые методы – микроуровень воздействия права на общественные отношения.

Метод административного права влияет на выбор способов установления публичных управленческих прав и обязанностей участников общественных отношений в сфере государственного управления.

В работах по общей теории права неоднократно анализировался вопрос соотношения правового воздействия и правового регулирования как на монографическом [1; 6; 11], так и на диссертационном уровнях¹. Если попытаться обобщить итоговые точки зрения на соотношение данных понятий, то выделяются следующие научные позиции. Г.С. Беляева с соавторами считают правовое регулирование частным случаем правового воздействия [2, с. 56]. Е.К. Щербакова высказывает аналогичную позицию, но вслед за М.Н. Марченко² пишет о механизме правового воздействия [10, с. 184–186]. Как разновидность правового воздействия рассматривает правовое регулирование В.В. Груздев в работах которого дан детальный перечень точек зрения на соотношение указанных понятий [3, с. 297–310].

Вне зависимости от высказанных точек зрения стоит один принципиальный вопрос: реализуется ли метод отрасли права вне механизма правового регулирования, то есть вне правоотношений? Считаем возможным положительно ответить на данный вопрос. Правовое воздействие в той его части, которая связана с самим фактом наличия правовой нормы, вне механизма правового регулирования предполагает, что субъект, может быть не реальным, а потенциальным участником общественных отношений, на которые направлено действие административно-правовой нормы. Но, характер воздействия разных методов вне механизма правового регулирования отличается друг от друга. В любом случае, не вступая в общественное отношение, лицо моделирует свое поведение под воздействием правовой нормы. Запретительный метод выступает как элемент охранительного механизма административного права. Заметим, что установление административных запретов и административной ответственности за их нарушение предполагает как использование метода запрета,

¹ См. напр.: Берг Л.Н. Исследование правового воздействия: методология, теория, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019; Осипов М.Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

² См.: Марченко М.Н. Общая теория государства и права. Академически курс в 3-х томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Том 3. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. С. 89–90.

так и метода предписания, но последний реализуется только в рамках конкретного правоотношения. При воздержании лица от нарушения административных запретов соответствующий метод запрета, тем не менее, действует, предотвращая вступление лица в административно-деликтное правоотношение. В свою очередь, дозволение вряд ли может действовать вне рамок конкретного правоотношения иначе теряется результат действия данного метода.

Специальные методы административно-правового регулирования также имеют специфику своей реализации как в рамках правоотношений, так и вне таковых.

Наиболее показателен в этом смысле метод государственных рекомендаций. Представляется, что реализация данного метода во многом сходна с методом дозволения за исключением тех случаев, когда метод государственных рекомендаций фактически приобретает обязательный характер. В этом случае рекомендации приобретают силу предписания или запрета¹. Правда, обоснованность такого рода рекомендаций порой вызывает вопросы с точки зрения из обоснованности. Рекомендательный акт (за названными исключениями) не может наделять участников административных правоотношений правами и обязанностями. Право лица, как элемент содержания правоотношения, представляет собой меру возможного поведения и предполагает свободу реализации. При реализации рекомендательного метода у лица есть право следовать или не следовать соответствующим рекомендациям. В административных правоотношениях публично управленческому праву лица не обязательно корреспондирует обязанность иного участника правоотношения. И рекомендательный метод административного права подтверждает этот логический посыл в силу того, что с одной стороны, праву следовать рекомендациям не соответствует обязанность следования им и не возникает право иного участника административного правоотношения требовать соблюдения соответствующих рекомендаций. Однако возникает вопрос – является ли право следования или не следования рекомендациям элементом содержания конкретного правоотношения? Предположим ситуацию, когда лицо игнорирует рекомендации. Он реализует свое право в рамках границ дозволения, а если речь идет об управляющем субъекте – то в рамках административного усмотрения. Другими словами, метод государственных рекомендаций выступает факультативным регулятором, устанавливающим обязанности участников административного правоотношения, но при этом формирует право усмотрения при выборе модели учета государственных рекомендаций.

В отличие от императивных составляющих метода административного права административно-договорный метод предполагает, что участники соответствующего общественного отношения добровольно берут на себя права и несут обязанности в сфере государственного управления. При этом, сам по себе административный договор – юридический факт, влекущий возникновение административного правоотношения. Представляется, что надо разделять процедуру заключения административного договора как действие и договор как результат такого действия. Если речь идет о процедуре заключения договора, то административно-договорный метод еще не действует – административный договор заключается на основании общего дозволения. Но, когда административный договор уже заключен, то его нормы создают для сторон административно-договорное правоотношение с соответствующими правами и обязанностями. То есть административно-договорный метод нельзя признать вне административного правоотношения.

Метод делегирования публично-властных управленческих полномочий выступает в качестве своего рода комбинированного способа воздействия нормы административного права на регулируемые управленческие общественные отношения. С одной стороны, результатом реализации данного метода являются стандартные дозволения, предписания и запреты, с другой – механизм возникновения триады общих методов административного права состоит из двух этапов: правонаделение субъектов и реализация правонаделенными субъектами переданных полномочий. Соответственно, возникают две группы отношений – между правонаделителем и правонаделяемым, а также между правонаделенным и лицами, в отношении которых реализуются переданные полномочия.

В этой связи со всей очевидностью встает вопрос о том, входит ли метод правового регулирования в структуру административного правоотношения? Или, если поставить вопрос по-другому – имеет ли юридическое значение то, каким способом установлены права и обязанности участников правоотношения? В этой связи необходимо отметить, что в общетеоретической литературе имеют место быть неоднократные попытки выйти за пределы устоявшейся с легкой руки

¹ См. напр.: Перечень нормативно-методических документов, не рекомендованных к применению в деятельности подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации (утв. ФКУ «Научно-исследовательский центр «Охрана» Росгвардии» [сайт]. ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии; 2025 [обновлено 17 мая 2022; процитировано 01 октября 2025]. Доступно: <http://www.nicohrana.ru>.

С.С. Алексеева и поддержанной в свое время, в том числе и автором данной работы, структуры правоотношения. Так, О.А. Пучков, пытаясь определить специфику геномных правоотношений, замечает, что «попытки рассмотреть объем понятия «правоотношение» продолжаются, что имеет под собой объективную основу (например, специфику объекта), требующую включения в анализ правоотношения дополнительных характеристик» [8, с. 13]. Н.В. Ковалева, осторожно относясь к подобным попыткам, употребляет термин «деформация структуры правоотношения» [4, с. 83]. Разные авторы предлагали и предлагают разный набор дополнительных элементов в структуре правоотношения помимо общепризнанных объекта, предмета, субъектов и содержания. В частности, В.Е. Лапшин и В.В. Шаханов высказывают идею включения в структуру правоотношения целеполагания [5, с. 153]. Авторы учебника «Теория государства и права» под редакцией В.В. Лазарева предлагали включить в структуру правоотношения юридические факты, правоспособность, дееспособность, правовой режим¹. И если юридические факты, как правило находятся за пределами правоотношения (хотя и не всегда), то дееспособность – неотъемлемая характеристика субъекта правоотношения.

Ю.С. Новикова со ссылкой на работу Ю.И. Гревцова пишет о том, что «генетическая структура правового общественного отношения характеризуется способом связи между правоотношением и его социальными предпосылками, то есть между правоотношением и общественным отношением, облеченным в правовую форму. Генетическая структура правоотношения, таким образом, отражает притязания участников отношения, *характер их юридического закрепления (курсив мой – Е.Л.)*, отражает особенности возникновения данного правоотношения как вида общественного отношения» [7, с. 58]. То есть, фактически признается, что способ (метод) закрепления правопритязания можно рассматривать как элемент структуры правоотношения. Действительно, связь между общественным отношением и правоотношением осуществляемая через норму права в том числе характеризуется тем, каким способом норма права формирует права и обязанности участников правоотношения. Механизм административно-правового регулирования, реализуемый через административное правоотношение, и метод административного права имеют общее предназначение, определяемое как способ воздействия административно-правовых норм на общественные государственно-управленческие отношения. Но как «нащупать» метод административно-правового регулирования в структуре или содержании административного правоотношения? Важно ли, каким методом установлены права и обязанности?

Нами ранее высказывалась позиция о том, что административное правоотношение всегда носит конкретный характер, не предполагая наличия общих правоотношений в отличие от других отраслей права. С учетом того, что субъективные права и обязанности возникают в результате воздействия норм административного права на общественные отношения, то можно осторожно предположить, что метод административного права имеет значение для формирования административного правоотношения, но не всегда входит в его структуру. Структура административного правоотношения отражает метод административно-правового регулирования. От того, как установлены права и обязанности зависит объем прав и обязанностей и их направленность. Метод административного права может быть реализован как на этапе правонаделения, так и на этапе правоприменения. При этом вполне оправданно ставить вопрос о наличии правонаделительных отношений. Для правонаделительного отношения возможны способы правонаделения не связанные с конкретным субъектом и связанные с конкретным субъектом. Если речь идет о нормативном правонаделении путем принятия нормативных актов, заключении нормативных административных договоров, то метод административного права может не иметь связи с конкретным субъектом административных правоотношений так как реализуется не в рамках государственного управления, а в рамках законотворчества². Если же речь идет об индивидуальном

¹ Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 4 изд, перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2013. С. 413–422.

² См. напр.: О наделении органа местного самоуправления в Краснодарском крае отдельным государственным полномочием Краснодарского края по организации смежных межрегиональных маршрутов регулярных перевозок в границах федеральной территории «Сириус» и Краснодарского края (вместе с «Методикой определения общего объема субвенции, предоставляемой бюджету муниципального образования Краснодарского края из бюджета Краснодарского края для осуществления отдельного государственного полномочия Краснодарского края по организации транспортного обслуживания населения автомобильным транспортом в межмуниципальном и пригородном сообщении в части установления, изменения, отмены смежных межрегиональных маршрутов регулярных перевозок между федеральной территорией «Сириус» и Краснодарским краем, начальные остановочные пункты которых расположены в границах федеральной территории "Сириус" и Краснодарского края): Закон Краснодарского края от 09.12.2021 № 4592-КЗ (ред. от

установлении прав и обязанностей через методы административного права, то метод административного права связывается с конкретным субъектом административных правоотношений и, следовательно, может быть включен в структуру правоотношения. Так, для привлечения лица к административной ответственности имеет значение нарушил ли субъект административной ответственности установленные запреты, не выполнил предписания. Если же субъект административной ответственности не учел рекомендательных норм, то это исключает ответственность. То есть, для административно-делктного правоотношения важен метод установления прав и обязанностей для целей охраны объектов, определяемых статьей законодательства об административной ответственности. Без указания на то, какой конкретно запрет нарушен, предписание не выполнено, не будет и административно-деликтного правоотношения. Специфика действия метода административного права на этапе вступления субъекта общественного государственно-управленческого отношения в правоотношение состоит в том, что метод административного права персонализируется применительно к конкретному субъекту. Конкретные дозволения, предписания, запреты адресуются конкретному субъекту.

Список использованной литературы:

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.; 1966.
2. Беляева Г.С., Палеха Р.Р., Ярычев Н.У. Правовое воздействие и правовое регулирование: диалектика взаимосвязи. *Право и государство: теория и практика*. 2020;(184(4)):55–57.
3. Груздев В.В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2011;(2):297–310.
4. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций. *Преступность. Общество. Безопасность: сборник научных статей по материалам Международного форума и материалам международной научно-практической конференции (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола. в 2-х частях (Москва, 31 октября 2024 г.)*. Москва: Академия управления МВД России; 2024.
5. Лапшин В.Е., Шаханов В.Е. Цель и метакель правоотношения (общетеоретический анализ). *Вестник Владимирского юридического института*. 2019;(53(4)):151–154.
6. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.; 1960.
7. Новикова Ю.С. Некоторые особенности структуры правоотношения. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2016;(10(3)):56–59.
8. Пучков О.А. Специфика геномных правоотношений: новые подходы к исследованию. *Правопорядок: история, теория, практика*. 2025;(44(1)):10–16.
9. Радько Т.Н. Теория функций права. М.; 2014.
10. Щербакова Е.К. К вопросу о понятии механизма правового воздействия. *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2016;(15–2):184–186.
11. Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад; 1975.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лупарев Евгений Борисович

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4336-9495>

Author ID: 57200337167

ResearcherID: AAY-9983-2021

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-19-26>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Пашенко И.Ю.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Пашенко И.Ю. Искусственный интеллект в государственном управлении: проблемы и перспективы регулирования. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):19–26. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-19-26>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Пашенко Илья Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, доцент кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: ilpa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 26.10.2025

Статья принята к печати: 25.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Статья посвящена анализу правового регулирования искусственного интеллекта в государственном управлении. Актуальность исследования связана с фактическим расширением практики использования цифровых технологий, включая искусственный интеллект, органами публичной власти и необходимостью оценки такого влияния на процесс администрирования. *Цель* работы – выявить особенности правовой природы искусственного интеллекта и определить подходы к его применению при осуществлении публичного управления.

В *задачи* исследования входят рассмотрение существующих нормативных актов, анализ основных подходов регулирования и оценка последствий принятия управленческих решений в условиях цифровизации. Научная новизна работы заключается в обосновании необходимости учета публичных и частных интересов при использовании технологий искусственного интеллекта, а также в формулировании подхода к определению ИИ-агента в контексте государственного управления.

В *результате* проведения исследования установлено, что искусственный интеллект должен применяться как инструмент повышения эффективности деятельности органов публичной власти, а не как самостоятельный субъект управления. Показано, что развитие регулирования требует учета технологической динамики, обеспечения контроля, прозрачности и безопасности использования алгоритмов. Сформулирован вывод о том, что выбор технологий искусственного интеллекта для государственных целей должен основываться на требованиях законности и публичности, обеспечения технологического суверенитета и нормативного контроля.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-агенты, цифровизация, цифровые технологии, информационные технологии, цифровое государственное управление, экономика данных, цифровая трансформация государства, государственное управление, органы публичной власти, публичное регулирование.

Введение

Искусственный интеллект находится в центре внимания представителей различных отраслей права. Новые информационные технологии, которые в научной литературе исследователи все чаще называют цифровыми [10, с. 39], в нынешних условиях охватывают все сферы жизни современного человека, поэтому их повсеместное и тотальное проникновение стало привычным, зачастую не

вызывающим вопросов явлением. Однако остаются области, в которых требуется не только особый подход, но и специальное регулирование, в их числе – сфера государственного управления.

Хотя классические способы правового регулирования в государственном управлении хорошо известны и имеют глубокую теоретическую проработку (дозволение, предписание, запрет) [6, с. 45], их сочетание и использование с учетом специфики объектов управленческой деятельности в условиях цифровизации видится чрезвычайно актуальной темой для дальнейших научных исследований. Возникновение искусственного интеллекта – определенный вызов для управленческой деятельности, но его целесообразно рассматривать не как зону риска, а как элемент формирующейся новой системы и ее инфраструктуры. Примечательно, что искусственный интеллект не меняет природу и особенности способов регулирования в публичном управлении, но наполняет привычные категории новым содержанием и формирует отличное от устоявшегося порядка понимание. Так, принятие управленческих решений может опираться не на буквальное толкование норм и использование механизмов, учитывающих профессиональный опыт должностного лица, а на алгоритмически обработанные системой и полученные субъектом управления данные.

Дозволение традиционно предполагает свободное усмотрение субъекта управления для осуществления действий в пределах границ, закрепленных в законодательстве и подзаконном регулировании. Однако, если решение принимается на основе анализа данных, полученных от искусственного интеллекта, в том числе в автоматическом режиме, неочевидным оказывается ответ на вопрос – кому именно предоставлено такое усмотрение? При этом даже не всегда могут потребоваться конкретные действия от должностного лица, поскольку они могут совершаться проактивно на основе анализа наиболее благоприятных сценариев. В науке отмечается, что может возникнуть определённый риск принятия решений технологиями и системами [1, с. 217]. При этом отчасти и уменьшаются привычные возможности осуществления административного усмотрения [9, с. 184]. Решением такой проблемы может стать точечная настройка информационных систем на основе развитого нормативно-правового регулирования в органах публичной власти.

В связи с этим видится значимым определение того, кто же в подобной ситуации является субъектом, принимающим решение в государственном управлении. Непосредственно должностное лицо, обладающее данными, полученными посредством применения системы, моделирующей интеллектуальную деятельность человека и превосходящую ее по уровню анализа, либо непосредственно искусственный интеллект? Не выступает ли сам управленец в таких обстоятельствах фактором принятия решений, просто соглашаясь либо не соглашаясь с полученными данными и предложенным на их основе решением, – вопрос для дальнейших научных дискуссий.

Усложняется механизм предписаний, поскольку необходимо разрабатывать нормативные правила для функционирования информационных систем, использования информационных технологий, процессов автоматизированной обработки данных, т.е. применения комплекса различных алгоритмов и обеспечения механизмов контроля за ними. Однако сложность этого процесса кроется не в потенциально большем объеме нормативного массива и его последовательного увеличения, а в разработке технических стандартов. Следовательно, система правового регулирования приобретает выраженный юридино-технический характер, изобилующий специфичной технической терминологией и новыми правовыми конструкциями. Искусственный интеллект потребует не только детального, но и оптимального регулирования в целях обеспечения этики его использования и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Отдельная тема для обсуждения – установление запрета не только для фактического субъекта управления, но и искусственного интеллекта. Каков должен быть такой запрет, который адресован не должностному лицу или органу публичной власти? Ответ на этот вопрос только предстоит выработать представителям публично-правовой науки и государственных институтов в условиях стремительной цифровизации. Очевидно, что такой запрет может быть выражен в неиспользовании определенных данных и алгоритмов, невозможности совершения действий без дополнительного подтверждения и т.п. Запреты должны быть нормативно закреплены, хотя это достигается не всегда. При отсутствии детальной правовой регламентации в этой части стоит справедливо указать на то, что этические нормы являются оперативным механизмом регулирования и упорядочивания отношений [4, с. 114].

Методы исследования

В рамках исследования применялись общенаучные и специальные методы научного познания (метод системного подхода, диалектический, индуктивный, дедуктивный, структурный методы, анализ и синтез, сопоставление). В числе частнонаучных методов можно выделить такие методы как формально-юридический, историко-правовой и метод юридического толкования.

Результаты исследования

1. Анализ нормативных актов и стратегических документов показывает, что государство сознательно уходит от универсального определения искусственного интеллекта. Вместо этого формируется гибкий, адаптивный и многоуровневый подход, позволяющий учитывать высокую динамику технологического развития и специфику отдельных отраслей.

Такой подход предполагает, что государство создает правовую конструкцию, в которой определение искусственного интеллекта становится результатом отраслевого стандартизации и практической апробации. Этот вывод позволяет утверждать, что правовое регулирование искусственного интеллекта в России развивается по модели, основанной на постоянной адаптации, а не на жестком нормативном закреплении. Такой механизм снижает риски правовых коллизий, позволяет учитывать новые технологические явления и обеспечивает гибкость государственного регулирования, в том числе для целей публичного управления.

2. Искусственный интеллект становится инструментом скрытой административной реформы, изменяющей структуру и содержание государственного управления. Исследование показывает, что внедрение искусственного интеллекта в государственное управление выходит за рамки технической модернизации и фактически выполняет функции трансформации деятельности органов власти.

Так, искусственный интеллект интегрируется прежде всего в рутинные операции: обработку данных, выполнение повторяющихся действий, проверку типовых условий, подготовку предложений для принятия управленческих решений. Такая автоматизация сокращает издержки и снижает нагрузку на государственных и муниципальных служащих. Результатом становится не только рост эффективности государственного аппарата, но и трансформация требований к кадровому составу. Следовательно, внедрение искусственного интеллекта приводит к комплексным изменениям в системе государственного управления. Данный процесс можно рассматривать как постепенное формирование новой модели государственного управления, основанной на цифровой зрелости, технологическом суверенитете и способности алгоритмической обработки данных обеспечивать более быстрые и точные управленческие решения.

Научная дискуссия

Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении.

Появление искусственного интеллекта обусловлено технологическим развитием общества. В свою очередь, развитие информационных технологий привело к тому, что, располагая определенной информационной инфраструктурой и иными ресурсами, ИТ-специалисты смогли придать новый импульс в применении нейронных сетей на практике. Нейронные сети посредством обработки массивов данных осуществляют их анализ и предлагают определенные знания, что и позволяет утверждать о появлении искусственного интеллекта [2, с. 96].

Легальное определение искусственного интеллекта сформулировано в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹, которым также утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Искусственный интеллект рассматривается как комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать соответствующие результаты. При этом результаты от использования искусственного интеллекта будут сопоставимы с интеллектуальной деятельностью человека либо будут превосходить их. Примечательно, что в первоначальной редакции рассматриваемого акта определение содержало указание лишь на достижение тех результатов, которые минимально могли быть сопоставимы с мыслительной деятельностью человека. Кроме того, в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. регулирование искусственного интеллекта дополнилось новыми определениями, которые также относятся к рассматриваемой категории, но отражают ее более прикладное значение: модель искусственного интеллекта, большие генеративные и фундаментальные модели, сильный искусственный интеллект, доверительные технологии искусственного интеллекта.

Последовательное развитие регулирования привело к тому, что категория стала все чаще встречаться в актах стратегического характера, имеющих особое общественно-политическое и экономическое значение. Так, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

года»¹ в качестве одной из задач при достижении национальной цели «Технологическое лидерство» предполагает обеспечение технологической независимости государства и формирование нового рынка в области технологий искусственного интеллекта; достижение целевого показателя «цифровой зрелости» в области управления, экономики и социальной сферы путем внедрения цифровых платформ и моделей управления на основе данных с использованием искусственного интеллекта.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400², предусмотрено совершенствование средств и методов информационной безопасности благодаря использованию технологий искусственного интеллекта. Кроме того, подобные технологии искусственного интеллекта применимы для повышения производительности труда в целях обеспечения экономической безопасности государства.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145³, выделяет в числе приоритетов научно-технологического развития страны разработку и применение передовых технологий проектирования и создания высокотехнологичной продукции, создаваемой с использованием искусственного интеллекта, а также необходимость интеграции искусственного интеллекта в деятельность по повышению качества и эффективности научных исследований и разработок.

Примечательно, что искусственный интеллект в отмеченных актах в целом не выступает как объект непосредственного регулирования, а обозначается в качестве механизма, применение которого позволяет более эффективно достичь целевого показателя, выполнения задачи либо реализации приоритета в государственном управлении.

В Российской Федерации искусственный интеллект получил законодательное закрепление, однако такое регулирование можно рассматривать как специализированное и не распространяющееся на все возможные сценарии непосредственного применения искусственного интеллекта. Так, еще одно официальное определение искусственного интеллекта содержится в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»⁴. Данное определение полностью повторяет дефиницию, которая содержалась в первоначальной редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490. При этом наличие двух определений, близких по смыслу, вряд ли способно вызывать противоречия в правоприменительной практике или понимании сущности исследуемой категории.

Особенностью категории «искусственный интеллект» для целей правового регулирования является то, что в условиях высокой динамики развития технологий и связанных с этим непрерывных изменений в социальных процессах может возникнуть потребность в формулировании как нового определения, так и установлении различных подходов к закреплению и пониманию содержания данной категории в зависимости от сферы правоприменения. Подтверждение этого тезиса можно обнаружить как в активно изменяющемся подзаконном регулировании в области искусственного интеллекта, так и в тексте распоряжения Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»⁵. В данной Концепции указано, что законодателю целесообразно «по возможности избегать» внедрения единого определения искусственного интеллекта в указанный временной период – до 2024 года. Таким образом, Правительством Российской Федерации

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сформулирован подход, согласно которому определение искусственного интеллекта может разрабатываться и указываться в документах по стандартизации либо охватывать отраслевые аспекты, имеющие отношение к конкретной сфере деятельности и находящие практическое значение. Полагаем, такой подход оправдан не только прикладным пониманием искусственного интеллекта и высокой скоростью развития технологий, но и обусловлен необходимостью оценки конкретных результатов применения искусственного интеллекта на практике. Потенциальные риски и вызовы для сложившегося порядка, возникающие на различных этапах развития общества, не всегда требуют превентивного ответа в виде разработки системного правового регулирования, которое, безусловно, и не может одномоментно возникнуть или быть эффективно разработано в короткий промежуток времени.

Определения искусственного интеллекта, содержащиеся в документах по стандартизации, вряд ли стоит рассматривать и учитывать в правовом значении. Так, ГОСТ Р 43.0.7-2011¹ определяет искусственный интеллект как моделируемую (искусственно-воспроизводимую) интеллектуальную деятельность мышления человека. В ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022)² предложено понимание искусственного интеллекта как компьютерной системы, способной выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта. При этом подчеркивается использование искусственным интеллектом методов из многих областей знаний. Подобные определения не всегда корректно формулируют достаточное и оптимальное понимание природы и сущности явления, актуальные для правовой области, поскольку относятся к технической сфере и апеллируют к своей отраслевой терминологии.

Аспекты применения искусственного интеллекта в государственном управлении.

Комплекс организационно-правовых аспектов, обозначивший потребность использования и регулирования искусственного интеллекта на государственном уровне, в свое время был заложен в национальной программе «Цифровая экономика», утвержденной президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 4 июня 2019 г. № 7)³. В 2020 году национальная программа была дополнена новым федеральным проектом «Искусственный интеллект», который утвержден президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 27 августа 2020 г. № 17)⁴. Паспорт федерального проекта определил систему администрирования, цель и показатели, задачи и результаты, финансовое обеспечение и перечень методик расчета показателей эффективности федерального проекта. Можно отметить, что именно этот период стал отправной точкой для реализации мероприятий по внедрению искусственного интеллекта в систему отечественного государственного управления.

Цель федерального проекта носит как качественный, так и количественный характер. Так, реализация проекта позволила гражданам и организациям повысить эффективность своей деятельности посредством использования продуктов и услуг, основанных преимущественно на отечественных разработках в области искусственного интеллекта. В числе показателей проекта были обозначены: следование стратегиям цифровой трансформации федеральными органами исполнительной власти, проведение мероприятий по внедрению искусственного интеллекта и подготовка к запуску центров обработки данных. В числе иных показателей, относящихся к социальной сфере, но реализуемых посредством государственного управления, были выделены: увеличение количества имеющих профессиональное образование специалистов в области искусственного интеллекта, оказание государственной поддержки организациям, занимающимся системными разработками в области искусственного интеллекта.

Фактически, области применения искусственного интеллекта в государственном управлении носят предметно-отраслевой характер. В числе таких сфер можно отметить промышленность,

¹ Об утверждении национального стандарта: Приказ Росстандарта от 13.12.2011 № 1242-ст // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта: Приказ Росстандарта от 28.10.2024 № 1550-ст // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

финансы, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, обеспечение безопасности, сельское хозяйство, образование, здравоохранение. В научной литературе подчеркивается возможность применения искусственного интеллекта для координации вопросов практического плана, к примеру, в финансовой сфере – для предотвращения мошенничества и осуществления контроля за деятельностью различных субъектов [5, с. 30]. Соответственно, в результате последовательного осуществления государственной политики отдельные отрасли, в которых возможно применение искусственного интеллекта, получают дополнительное нормативно-правовое регулирование.

Важно подчеркнуть, что происходящие в практике государственного управления изменения носят характер последовательных действий в рамках реализации нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Они тесно связаны с процессом совершенствования подзаконных норм, а не цикличным или хаотичным изменением законодательства. Напротив, законодательство остается стабильным и претерпевает точечные корректировки, формируя перспективную область цифрового регулирования. В рамках обозначенного национального проекта реализуются девять федеральных проектов, в том числе взаимосвязанные проекты «Искусственный интеллект» и «Цифровое государственное управление». В числе показателей национального проекта обозначено достижение «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления и социальной сферы за счет автоматизации на базе цифровых платформ и новой модели управления, базирующейся на обработке больших данных, использовании машинного обучения и внедрении искусственного интеллекта. Данный показатель на уровне 46,7% должен быть достигнут к 2030 году.

Анализ нормативно-правовых актов позволяет утверждать о том, что к настоящему времени сформировался подход, согласно которому предполагается использование искусственного интеллекта в государственном управлении как инструмента, решающего текущие проблемы и способствующего повышению качества администрирования. При этом в юридическом сообществе превалирует мнение, что искусственный интеллект является объектом права, а его частным выражением являются нейронные сети [3, с. 87]. Цель применения искусственного интеллекта – повышение эффективности деятельности, при этом вопросы использования данных для управленческих целей носят концептуальный характер, который пока еще не имеет выраженного нормативного закрепления, в том числе в подзаконном регулировании. Так, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года предложено с помощью искусственного интеллекта рассматривать обращения граждан, оказывать государственные и муниципальные услуги, осуществлять действия разрешительного характера, реализовывать контрольно-надзорные мероприятия (например, сегодня такие инструменты активно используют налоговые и антимонопольные органы).

Очевидно, что государство с помощью искусственного интеллекта стремится решить рутинные задачи, которые стоят перед государственными и муниципальными служащими. Большое количество технических операций и повторяющихся действий оказывает непосредственное влияние на расходы и издержки в государственном управлении, поэтому их минимизация позволит в очередной раз провести оптимизацию ресурсов. Не исключено, что последовательное и ритмичное внедрение искусственного интеллекта выступит скрытой, долгосрочной административной реформой, которая не будет заметна ни для граждан, ни для представителей государственного аппарата. Результатом такой деятельности станет не только повышение качества государственного управления, что выразится для граждан в повышении скорости принятия управленческих решений, но и возникновение новых требований к государственным и муниципальным служащим (новые навыки работы с информацией и цифровыми технологиями, периодическое повышение квалификации в связи с необходимостью применения искусственного интеллекта, изменение требований к уровню и виду образования и т.п.).

Развитие идей о применении искусственного интеллекта в государственном управлении ставит перед исследователями не только множество морально-этических вопросов. Даже если исключить из фокуса внимания аспекты, связанные с обеспечением доверия к технологиям, их безопасности для человека, открытостью и прозрачностью работы алгоритмов, то сложных дискуссий о природе изменяющихся административных процедур не избежать. К примеру, очередным неожиданным проявлением искусственного интеллекта стало появление ИИ-агентов. Уже сегодня их рассматривают как способ взаимодействия органов публичной власти с гражданами [8, с. 50], однако это принципиально новый уровень автоматизации действий – без непосредственного участия человека. Для целей государственного управления ИИ-агентов стоит рассматривать как системы, использующие методы искусственного интеллекта для автоматизированного сбора, обработки и анализа данных, формирования предложений или вариантов решений, либо выполнения отдельных управленческих функций. Очевидно, что они должны действовать в целях и пределах, установленных нормативным

актом, под контролем и не обладать правовым статусом субъекта управления. Развивая тезис об искусственном интеллекте как инструменте в государственном управлении, ИИ-агент можно представить в качестве посредника, интегрированного в деятельность органа публичной власти, имеющего определенно качественный уровень технологического развития и цифровой зрелости. К настоящему времени ИИ-агентов у органов публичной власти нет, но они определенно появятся в будущем и потребуют соответствующего нормативного оформления.

Кроме того, важно учитывать, что искусственный интеллект есть программный продукт (программное обеспечение), т.е., как правило, коммерческий результат работы частных организаций, а не государственных или общественных структур. Очевидно, что коммерческая цель разработки искусственного интеллекта не должна совпадать с публичными функциями и общественно-значимыми задачами органов власти. Государственное управление опирается на принципы законности, открытости, публичности, тогда как коммерческие организации руководствуются предпринимательскими постулатами – логикой инноваций, рыночной конкуренцией, минимизацией издержек, бизнес-моделями и иными ценностями, формулируемыми конкретными органами управления. Полагаем, необходимо обеспечение определенного баланса, что в очередной раз подтверждает тезис о сложной правовой природе цифровизации и необходимости сочетания публичного и частного регулирования [7, с. 383]. Основные отраслевые риски в таких обстоятельствах – допущение дискриминации, наличие правовой неопределенности, непропорциональность при принятии решений. Эти обстоятельства заставляют рассматривать внедрение искусственного интеллекта в государственное управление не просто как очередную техническую модернизацию, а как вопрос правовой политики и институционального выбора.

Соответственно, определение того, какой искусственный интеллект должен использоваться в государственном управлении – важный вызов, который стоит перед обществом и государством. При этом речь должна идти не только о выборе конкретных технологий и понимании их происхождения – того, кем и как они разработаны, но и определении уровня безопасности и соответствия публичным интересам; возможности обеспечения технологического и информационного суверенитета, проведения аудита и контроля.

Список использованной литературы:

1. Амелин Р.В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма; 2025. DOI: 10.12737/2007816.
2. Вершинин А.П. Доступ к цифровой информации: правовое регулирование. М.: ИНФРА-М; 2025. DOI: 10.12737/2098991.
3. Власова В.Ю. Международно-правовые основы понятий «искусственный интеллект» и «нейросеть». *Современное право*. 2024;(6):86–93.
4. Волкова Н.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2024.
5. Грищенко Г.А. Искусственный интеллект в государственном управлении. *Российский юридический журнал*. 2018;(6(123)):27–31.
6. Лупарев Е.Б. Проблемы метода административного права. *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 21 марта 2025 г.)*. Санкт-Петербург; 2025.
7. Лупарев Е.Б., Потапенко С.В. О некоторых проблемах соотношения публичных и частных правоотношений в правоприменительной практике. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2024;(2(10)):382–388.
8. Мартынов А.В. Актуальные вопросы использования генеративного искусственного интеллекта при взаимодействии органов публичной власти с гражданами. *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 21 марта 2025 г.)*. Санкт-Петербург; 2025.
9. Мартынов А.В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2020;(2):175–186.
10. Потапенко С.В., Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Пчелинцев А.С. Современные цифровые технологии в управлении экономикой страны: проблемы и перспективы развития (правовые и экономические аспекты). *Теория и практика общественного развития*. 2024;(9):38–46. DOI: 10.24158/tipor.2024.9.4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашенко Илья Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, доцент кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1445-2126

AuthorID: 837894

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-27-33>

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГМО В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ПОИСК
СБАЛАНСИРОВАННОГО НОРМАТИВНОГО ПОДХОДА В РОССИИ И
ЗА РУБЕЖОМ**

Иншакова А.О.*¹, Тымчук Ю.А.²

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040);

²ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

(Университетский проспект, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Иншакова А.О., Тымчук Ю.А. Использование ГМО в сельском хозяйстве: поиск сбалансированного нормативного подхода в России и за рубежом. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):27–33. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-27-33>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Иншакова Агнесса Олеговна*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права Кубанского государственного университета, Главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ, Почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт Российской академии наук

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (988) 988-44-44

E-mail: ainshakova@list.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №25-28-00269 «Умное» сельское хозяйство и LegalTech в агропромышленном комплексе: правовая модель «Агро 4.0» в условиях устойчивого развития».

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Статья принята к печати: 20.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: В работе рассматривается действующее отечественное правовое регулирование в области использования ГМО в сельском хозяйстве. Установлено, что отечественный законодатель придерживается принципа предосторожности в совокупности с принципом должной осмотрительности. Выявляются противоречия между существующими нормативными предписаниями запретительного характера и правоприменительной практикой, а также правовые пробелы. Обращается внимание на факт неподписания Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии. С учетом этого основная цель исследования связана с определением направлений совершенствования нормативного регулирования, обоснованием целесообразности пересмотра нормативных подходов по использованию ГМО в сельском хозяйстве в сторону поиска баланса между государством, исследователями, производителями и потребителями.

Проводится анализ позиций зарубежных исследователей, в том числе из стран-участниц интеграционного объединения БРИКС как приоритетного внешнеэкономического партнера России, по вопросу об использовании ГМО в сельском хозяйстве. Особое внимание уделяется технологии геномного (генного) редактирования (в частности, CRISPR), а также нормативному опыту Китая по регламентации использования ГМО в сельском хозяйстве и предпринятой попытке упрощенного правового регулирования генетически отредактированных сельскохозяйственных культур.

По итогам проведенного исследования дается критическая оценка существующему запретительному нормативному подходу по использованию ГМО в сельском хозяйстве в России. В то

же время сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства, которые учитывают как преимущественно негативное отношение населения к ГМО, так и возможности технологии геномного редактирования сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: сельское хозяйство, правовое регулирование ГМО, ГМ-культуры, геномное (генное) редактирование сельскохозяйственных культур, CRISPR.

Введение

Улучшение сортов культурных растений один из ключевых столпов, на котором базируются многие научные разработки в области сельского хозяйства. Цель улучшения очевидна – это стремление обеспечить население планеты продуктами питания за счет повышения урожайности с сохранением их качества и безопасности [12, с. 81]. Создание и коммерциализация в ряде стран мира генетически-модифицированных культур (ГМ-культуры) на фоне споров по поводу их пищевой и экологической безопасности породило не только социальную, но и правовую проблему.

В то же время решение правовой проблемы использования ГМ-культур в сельском хозяйстве напрямую связано как с соответствующими профильными научными исследованиями ученых, так и тем нормативным подходом к ГМО в целом, которого придерживаются в конкретном государстве (принцип существенной эквивалентности или принцип предосторожности) [1, с. 22].

Нормативной базой для регулирования ГМО в России, которая по состоянию на ноябрь 2025 года не подписала Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, выступают Федеральный закон от 05 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности», Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», Правила государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 18 января 2023 г. № 35, Постановление Правительства РФ от 12 июня 2025 г. № 890 «О генно-инженерно-модифицированных организмах и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, используемых для производства кормов, вывозимых с территории Российской Федерации», СанПиН 2.3.2.2227-07, СанПиН 2.3.2.1078-01, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации и др.

Фактически с 2016 года в России действует запрет на выращивание (использование для посева) ГМ-культур, а также их ввоз, за исключением случаев, связанных с проведением экспертиз и научных исследований. Кроме того, в ст. 4 Федерального закона от 11 июня 2021 г. № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками» прямо установлен запрет на применение клонирования и методов генной инженерии, генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов, а также на применение продукции, изготовленной с использованием генно-инженерно-модифицированных и трансгенных организмов при производстве, хранении, транспортировке и реализации улучшенной сельскохозяйственной продукции. Одновременно с этим, в соответствии со ст. 4 Технического регламента Таможенного союза «Пищевая продукция в части ее маркировки» (ТР ТС 022/2011) маркировка упакованной пищевой продукции должна содержать сведения о наличии в пищевой продукции компонентов, полученных с применением генно-модифицированных организмов. Нарушение указанного требования влечет административную ответственность (например, по ст. 14.8 КоАП РФ). Исходя из этого, возможно прийти к выводу о том, что отечественный законодатель придерживается принципа предосторожности в совокупности с принципом должной осмотрительности. Последний принцип позволяет потребителям самостоятельно принимать решения относительно приобретения товара с ГМО, содержащего соответствующую маркировку.

Одновременно с этим, анализ данных, содержащихся в Сводном государственном реестре ГМО, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию РФ показывает, что в условиях

существующего запрета ГМ-культуры (соя и кукуруза), устойчивые к насекомым-вредителям и гербицидам, тем не менее зарегистрированы Россельхознадзором или Роспотребнадзором¹.

Полагаем, что существующее нормативное регулирование использования ГМ-культур по ряду объективных причин нуждается в совершенствовании и выборе иного вектора развития, основанного в том числе на лучших правоприменительных и нормативных практиках дружественных России государств, а именно пересмотре нормативного запрета на использование ГМО в сторону поиска баланса между государством, исследователями, производителями и потребителями и более гибкого нормативного регулирования, учитывающего принцип существенной эквивалентности.

Методы исследования

В статье с юридической точки зрения анализируется проблема использования ГМО (ГМ-культур) в сельском хозяйстве, для чего применяются как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и др.), так и частнонаучные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.).

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что нормативные запреты в сферах, которые отличаются стремительным развитием и оказывают непосредственное влияние на обеспечение продовольственной безопасности государства не всегда являются эффективным инструментом регулирования общественных отношений. В частности, запретительный характер действующего регулирования в области ГМО в России, в том числе в части возможности его использования в сельском хозяйстве, способствует торможению развития отечественной науки и отставанию от государств, в которых указанные технологии развиваются и используются не бесконтрольно, а с соблюдением многочисленных требований и оценкой степени их влияния на человека и окружающую среду [9].

С учетом появления относительно новых технологий, а именно технологии геномного редактирования сельскохозяйственных культур (CRISPR и др.), которое не предполагает в отличие от ГМО включение сторонних генов, нормативное регулирование не может оставаться в статичном состоянии и игнорировать факт наличия накопленного отечественными учеными опыта по данному направлению². Соответственно, для устранения правового вакуума в отечественном законодательстве в настоящее время наименее трудоемким и оптимальным с точки зрения как объемов нормативной работы, так и неоднозначного и негативного отношения потребителей к ГМО, представляется решение, которое предполагает нормативное разграничение ГМО (с сохранением запрета на их использование, т.е. законодательство в сфере ГМО и их использования по-прежнему будет основано на принципе предосторожности) и геномного (генного) редактирования сельскохозяйственных культур, для правовой регламентации которого возможно воспринять положительный нормативный опыт Китая. В частности, в Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» после соответствующих консультаций с профильными исследователями-биологами возможно ввести определение понятия «генетически отредактированные сельскохозяйственные культуры», а также предусмотреть нормы о порядке проведения испытаний таких сельскохозяйственных культур, а также получения сертификата их безопасности для последующего использования.

Научная дискуссия

Зарубежные исследователи связывают Вторую зеленую революцию с внедрением генно-модифицированных культур в сельское хозяйство в Европе в середине 1990-х годов и отмечают, что в контексте устойчивого развития сельского хозяйства ГМО-культуры целесообразно рассматривать в рамках агроэкологической системы [8, с. 763].

Существуют и противоположные позиции. В частности, речь идет о агроэкологии как альтернативе ГМО, сущность которой состоит в создании и поддержке таких сельскохозяйственных систем, которые работают с природой, а не против нее за счет оптимизации плодородия почв, улучшения биоразнообразия и сокращения зависимости от пестицидов, удобрений и ГМО [10].

В США, несмотря на неподписание Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, ГМО-культуры (в частности, соя) внедрены в сельское хозяйство и в

¹ Сводный государственный реестр генно-инженерно-модифицированных организмов (ГМО), а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации [сайт]. Gmo.minzdrav.gov.ru.; 2024 [обновлено 06 декабря 2024; процитировано 01 ноября 2025]. Доступно: https://gmo.minzdrav.gov.ru/?applicant=&foiv_id=3&search_type=1&usage_type_id=&country_id=&search_form=&from=&to=&status=&bsearch=1&sort=desc&start=0.

² Анисимов А.П., Матыцин Д.Е. Аграрное право: учебник для вузов / А.П. Анисимов и др.; под ред. А.П. Анисимова, О.В. Поповой. Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 258.

больших объемах экспортируются в ряд стран (длительное время ГМО-соя из США экспортировалась в Китай и другие страны, однако с учетом текущей внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки Китай усилил работу по отказу от зависимости от США по данному направлению, развивая внутренние механизмы производства, о чем будет сказано далее). В то же время в исследованиях американских ученых возможно обнаружить и достаточно новые разработки, в частности геномное (геномное) редактирование в сельском хозяйстве и пищевой промышленности (GEAF) [5, с. 47]. Вокруг данной технологии и смежных технологий (например, CRISPR, появившейся около 10 лет назад) также ведутся дискуссии, при этом в числе проблем, которые связаны с их восприятием у широкой общественности выделяют проблему, состоящую в том, что современные технологии генной инженерии смешиваются или отождествляются со старыми технологиями, и отчасти с ГМО [6]. По оценкам зарубежных исследователей именно редактирование генов и технология CRISPR будут приобретать все большее значение, в том числе в сельском хозяйстве [7, с. 131].

Схожие представления о перспективности технологий, основанных на редактировании генов высказывают и исследователи из стран БРИКС, в частности, индийские и китайские ученые.

Индийские исследователи обращают внимание на то, что ГМ-культуры, разработанные с использованием трансгенной технологии, в настоящее время выращиваются в 29 странах мира, занимая более 190 миллионов гектаров земли (например, такие коммерциализированные ГМ-культуры, устойчивые к гербицидам и насекомым как ГМ-хлопок, соя и кукуруза выращиваются уже более 20 лет в некоторых частях мира, что доказывает безопасность и преимущества таких культур), однако не отрицают, что редактирование генома может быть перспективным подходом, поскольку с помощью этого относительно нового метода можно получить нетрансгенные сельскохозяйственные культуры с желаемыми характеристиками [13, с. 35].

Кроме того, китайские исследователи обращают внимание на целесообразность снижения нормативного бремени и содействия коммерциализации ГМО, имея ввиду геномно-редактированные организмы, существенно отличающиеся от генно-модифицированных организмов, которые негативно воспринимаются общественностью и законодателями ряда государств, практически полностью ограничивших их применение посредством создания соответствующих нормативных предписаний [4].

Мы поддерживаем обозначенную позицию. Утверждать, что российским исследователям неизвестны технологии или особенности работы с генно-модифицированными организмами или методы геномного редактирования было бы неверно. Кроме того, в Федеральной научно-технической программе развития генетических технологий на 2019 – 2030 годы прямо указано, что «Геномное редактирование, позволяющее целенаправленно изменять геном организма, является прорывным инструментом, который уже находит практическое применение в сельском хозяйстве, промышленной биотехнологии, медицине и других отраслях экономики ведущих государств мира. Развитие генетических технологий, включая технологии геномного редактирования, и их практическое применение являются приоритетами в ведущих странах мира»¹. Между тем, в отечественном законодательстве по-прежнему имеется «правовой вакуум» как в части регламентации, так и в части разграничения таких технологий/методов улучшения сельскохозяйственных растений как геномное редактирование (CRISPR/Cas), так и собственно генно-инженерная модификация (или ГМО в трактовке ст. 2 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»). Позиция о необходимости установления различного правового режима для генно-модифицированных и геномно-редактированных организмов озвучивается и учеными-биологами, специализирующихся на данной проблематике².

Несмотря на фактический нормативный запрет в Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, утв. Президентом РФ 16 мая 2025 г. № Пр-1078 Правительству РФ поручено представить предложения о целесообразности проведения при участии заинтересованных организаций научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по выведению генно-модифицированных пород деревьев с заданными морфологическими свойствами и скоростью роста древесины в целях

¹ Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2030 годы: Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 17. Ст. 2108.

² В РФ предложили не считать растения с отредактированным геномом ГМО [сайт]. ТАСС. Наука; 2024 [обновлено 13 февраля 2024; процитировано 01 ноября 2025]. Доступно: <https://nauka.tass.ru/nauka/19972383?ysclid=mi0t782ncq468739157>.

оценки возможности создания лесных плантаций для коммерческого выращивания и использования такой древесины¹.

Данное поручение было положительно оценено экспертами Российской академии наук². Исходя из этого, запретительный характер действующего регулирования в области ГМО способствует торможению развития науки в условиях того, что в мире эти технологии успешно развиваются и используются, в том числе в сельском хозяйстве, без существенного и доказанного ущерба.

В то же время в России отношение к ГМО со стороны населения сложно назвать положительным³, дискуссии продолжаются [2, с. 135], и подписание Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии может никак не повлиять на изменение нормативного подхода законодателя по запрету ГМО.

В данном контексте интересен правоприменительный опыт Мали, подписавшей Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, положения ст. 23 которого предусматривают проведение консультаций с общественностью для принятия решений по вопросам, связанным с применением ГМО. Так, с 25 по 29 января 2006 года проводились общественные обсуждения для решения вопроса о внедрении генно-модифицированного хлопка на фермерских полях Мали (Западная Африка). Процесс известен под названием ECID – Espace Citoyen d'Interpellation Démocratique (Гражданское пространство для демократического обсуждения). В нем приняли участие фермеры (так называемые фермеры-присяжные), эксперты-свидетели (их роль заключалась в том, чтобы четко разяснять суть проблемы, представлять свою точку зрения, отстаивать свою позицию, обобщать имеющиеся доказательства и отвечать на вопросы присяжных-фермеров), а также иные лица, координировавшие процесс обсуждения. Фермеры-присяжные единогласно отвергли внедрение ГМО в Мали. При этом, несмотря на рекомендательный характер документов, сформулированных по результатам общественного обсуждения, правительство государства отложило на неопределенный срок принятие законодательства, необходимого для внедрения ГМ-культур в Мали [11, с. 1097]. Данный пример, на наш взгляд, иллюстрирует, что схожий сценарий возможен и в России в случае инициирования масштабного общественного обсуждения законодательных инициатив, касающихся ГМО, в том числе возможности их использования в сельском хозяйстве. Решение данной проблемы видится в активной и продолжительной просветительской работе с населением по данному вопросу.

Полагаем, что объективно решить проблему использования ГМО в сельском хозяйстве невозможно посредством установления запрета их использования в условиях развития в мире как методов генной инженерии, так и геномного редактирования, а также коммерциализации ГМ-культур в ряде дружественных России стран. В связи с этим, рассмотрим положительный нормативный опыт Китая [3, с. 84].

Так, в Китае, придерживающегося принципа существенной эквивалентности в области правового регулирования ГМО, действует обширная нормативная база, устанавливающая различные требования, начиная от маркировки (например, ст. 43 Закона КНР о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции, ст. 69 Закона КНР о безопасности пищевых продуктов, устанавливающие обязанность по маркировке сельхозпродукции и иной продукции с ГМО⁴) и, заканчивая вопросами оценки безопасности ГМ-растений и получения разрешительной документации.

В целом следует отметить, китайский законодатель уделяет особое внимание именно регулированию сферы ГМО применительно к сельскому хозяйству. В то же время используемая терминология (например, «сельскохозяйственные генетически модифицированные организмы», «генетически модифицированная сельскохозяйственная продукция», «продукты прямой переработки»

¹ Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, утв. Президентом РФ 16.05.2025 № Пр-1078 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² РАН: негативное общественное мнение в РФ вокруг ГМО формируется специально [сайт]. Вести.ru; 2025 [обновлено 27 июня 2025; процитировано 01 ноября 2025]. Доступно: <https://www.vesti.ru/article/4568929?ysclid=mhi5b6718i518967645>.

³ Почему необходимо просвещение, или снова о распространенных заблуждениях [сайт]. ВЦИОМ; 2022 [обновлено 02 августа 2022; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/pochemu-neobkhodimo-prosveshchenie-ili-snova-o-rasprostranennykh-zabluzhdeniyakh>.

⁴ 中华人民共和国农产品质量安全法 [сайт]. 中华人民共和国农业农村部; 2022 [обновлено 02 сентября 2022; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: https://www.moa.gov.cn/govpublic/nepzlaq/202304/t20230418_6425498.htm; 中华人民共和国食品安全法 (主席令第二十一号) [сайт]. 中华人民共和国农业农村部; 2015 [обновлено 25 апреля 2015; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: https://www.gov.cn/zhengce/2015-04/25/content_2853643.htm.

и др.) рассредоточена по нормативно-правовым актам и разъяснениям компетентных органов и по оценкам исследователей в отдельных случаях недостаточно конкретизирована¹.

В частности, генетически модифицированные растения, семена, саженцы, растительные продукты, а также продукты их прямой переработки включаются в более общее понятие, такое как сельскохозяйственные генетически-модифицированные организмы по смыслу ст. 3 Административных мер для оценки безопасности сельскохозяйственных генетически модифицированных организмов². В зависимости от уровня опасности сельскохозяйственные ГМО классифицируются по четырем уровням: I, II, III и IV, где III и IV – это ГМО с умеренным или высоким риском.

Прежде чем начать заниматься производством и продажей ГМ-семян требуется пройти ряд многоступенчатых процедур и получить соответствующие сертификат и лицензию.

Испытания сельскохозяйственных генетически модифицированных организмов, как правило, осуществляются в три этапа: промежуточные испытания, выпуск в окружающую среду и производственные испытания (ст. 13 Правил обеспечения безопасности сельскохозяйственных генетически модифицированных организмов)³. Перед началом испытаний (применительно к ГМО III и IV уровня) требуется дополнительно уведомить об этом сельскохозяйственный департамент. Для перехода от одной экспериментальной стадии к другой также требуется одобрение сельскохозяйственного департамента. После успешного прохождения испытаний возможно подать заявку и получить сертификат безопасности сельскохозяйственного генетически модифицированного организма, наличие которого позволяет в последующем подать заявку на утверждение (для основных культур, таких как рис, пшеница, кукуруза, хлопок, соя) или регистрацию (для иных, то есть второстепенных сельскохозяйственных культур) сорта.

В дальнейшем для лиц, заинтересованных в производстве и продаже ГМ-семян сельхозрастений предусмотрено требование о необходимости получить соответствующую лицензию на производство и продажу ГМ-семян (ст. 19, ст. 25 Правил обеспечения безопасности сельскохозяйственных генетически модифицированных организмов)⁴. Лица, получившие указанную лицензию, для осуществления импорта и экспорта ГМ-семян сельхозрастений, также должны получить лицензию на импорт и экспорт. Очевидно, что прохождение всех необходимых процедур и получение разрешений занимает далеко не один год.

Вышеизложенные нормативные правила, как указывалось ранее, касаются генно-модифицированных организмов. Специальное регулирование предусмотрено для сельскохозяйственных культур, которые были генетически отредактированы (например, посредством такого метода геномного редактирования как CRISPR). Так, по оценкам китайских исследователей Руководящие принципы оценки безопасности генетически модифицированных сельскохозяйственных культур предусматривают в отличие от ГМО несколько усеченное содержание этапов и стадий для генетически отредактированных сельскохозяйственных культур, что вероятно позволит сократить сроки их допуска на рынок⁵. Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что в Китае не допускается бесконтрольный выпуск в свободное обращение ни ГМО-растений, ни генетически отредактированных культур. При этом, китайскому законодателю удалось выстроить достаточно гибкое регулирование с учетом существующей разницы между генно-модифицированными и геномно-редактированными организмами.

¹ 一文读懂中国转基因生物监管政策 [сайт]. 中华全国供销合作总社; 2022 [обновлено 22 февраля 2022; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: <https://www.chinacoop.gov.cn/news.html?aid=1738713>.

² 农业转基因生物安全评价管理办法 [сайт]. 中华人民共和国农业农村部; 2022 [обновлено 21 января 2022; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: https://www.moa.gov.cn/ztzl/zjyqwgz/zcfg/202206/t20220607_6401864.htm.

³ 农业转基因生物安全管理条例 [сайт]. 中华人民共和国农业农村部; 2017 [обновлено 07 октября 2017; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: https://www.gov.cn/gongbao/content/2019/content_5468924.htm.

⁴ Там же.

⁵ 桂琳 | 李芳菲 | 佟鑫 基因编辑作物育种法律初探 (一) : 监管概览 [сайт]. Han Kun Law Offices; 2023 [обновлено 13 февраля 2023; процитировано 06 ноября 2025]. Доступно: <https://www.hankunlaw.com/portal/article/index/cid/8/id/12897.html>.

Список использованной литературы:

1. Анисимов А.П., Попова О.В. Правовое регулирование использования ГМО в сельском хозяйстве: дискуссионные вопросы. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2017;(3):21–29.
2. Астахова А.С. Автономия научного сообщества, популяризация науки и общественные дебаты на примере обсуждения ГМО-продукции. *Социология власти*. 2013;(3):135–144.
3. Иншакова А.О., Тымчук Ю.А. Стандартизация правового регулирования «умного» сельского хозяйства в Китае: адаптация полезного регулятивного опыта. *Lex russica*. 2025;(78(8)):84–96. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.225.8.084-096>.
4. Cai R., Chai N., Zhang J., Tan J., Liu YG, Zhu Q., Zeng D. CRISPR/Cas system-mediated transgene-free or DNA-free genome editing in plants. *Theor Appl Genet*. 2025;(138(9)):210. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00122-025-04990-0>.
5. Cummings, C., Selfa, T., Lindberg, S. et al. Identifying public trust building priorities of gene editing in agriculture and food. *Agriculture and Human Values*. 2024;(41):47–60. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10460-023-10465-z>.
6. Hendricks, J., Weary, D.M. & von Keyserlingk, M.A.G. Expert Views on Communicating Genetic Technology Used in Agriculture. *Food ethics*. 2024;(9):17. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41055-024-00148-8>.
7. Hanley, B. Genetic Manipulation in Agriculture. In: *Natural and Unnatural Product Chemistry*. Springer, Cham. 2025;131–153. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-81698-7_5.
8. Krinsky, S. GMOs and Sustainable Agriculture. In: Valdés, E., Lecaros, J.A. (eds) *Handbook of Bioethical Decisions. Volume I. Collaborative Bioethics*, Springer, Cham. 2023;(2):763–774. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-29451-8_40.
9. Matytsin, D., Baltutis, I., Inshakova, A. Legal formation of the national systems of organic production in Russia and the EAEU. *E3S Web of Conferences 311*. 2021;(10002). DOI: 10.1051/e3sconf/202131110002.
10. Milian Gómez, J.F., Byttebier, K. Agroecological sustainability: exploring the intersection of digital agriculture, ethics and the right to food. *Discover Agriculture*. 2025;(3):91. DOI: <https://doi.org/10.1007/s44279-025-00228-1>.
11. Pimbert, M.P., Barry, B. Let the people decide: citizen deliberation on the role of GMOs in Mali's agriculture. *Agriculture and Human Values*. 2021;(38):1097–1122. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10460-021-10221-1>.
12. Regnault-Roger, C. Plant GMOs: Agricultural Applications. In: *Biotech Challenges*. Springer, Cham. 2023;81–93. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-38237-6_11.
13. Tiwari, R., Chauhan, S., Kumar, K., Reddy, V.S., Rajam, M.V. Genetically Modified Crops for Sustainable Agriculture and Food Security in Indian Scenario. In: John, G., Panda, A.K. (eds) *Biotechnology in India – Reworking A Strategy*. Springer, Singapore. 2024;35–54. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-97-0896-3_2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иншакова Агнесса Олеговна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права, Главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ, Почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт Российской академии наук

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Author ID Scopus: 56185976100

Web of Science ResearcherID: D-2673-2016

Тымчук Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0854-3179>

Author ID Scopus: 57218681976

Web of Science ResearcherID: AAU-5980-2020

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-34-39>

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИИ-АГЕНТА: МОЖЕТ ЛИ НЕЙРОСЕТЬ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СДЕЛКУ?

Маркосян Г.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Маркосян Г.А. Правовой статус ИИ-агента: может ли нейросеть нести ответственность за сделку? *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):34–39. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-34-39>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Маркосян Георгий Ашотович, кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 454-62-52

E-mail: lawckt@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Статья принята к печати: 25.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: *Целью исследования является комплексный анализ правового статуса автономных ИИ-агентов в контексте их способности совершать сделки и нести ответственность за противоправные действия в условиях цифровой трансформации гражданского оборота.*

Задачами исследования являются выявление правовой природы и сущности ИИ-агентов как новых участников гражданско-правовых отношений, анализ действующих подходов к распределению ответственности за действия ИИ-агентов в российской и зарубежной правовой доктрине, исследование проблем «правового вакуума» в регулировании сделок с участием ИИ-агентов, разработка концептуальной модели распределения ответственности при совершении ИИ-агентами противоправных действий.

В исследовании применялся комплекс общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительно-правовой анализ) и специальных *методов* (правовое моделирование, контент-анализ судебной практики, формально-юридический анализ).

В результате исследования установлено, что действующее законодательство РФ не признает ИИ-агентов субъектами права. Выявлена тенденция к формированию прецедентов привлечения к ответственности операторов ИИ-систем. Обоснована необходимость разработки специального нормативного регулирования для ИИ-агентов. Разработана многоуровневая модель распределения ответственности за действия ИИ-агентов.

Выводы исследования: ИИ-агенты в настоящее время не обладают правосубъектностью и не могут самостоятельно нести ответственность за сделки. Ответственность за действия ИИ-агентов должна распределяться между операторами, разработчиками и пользователями. Перспективным направлением является развитие концепции «законопослушного ИИ» (Law-Following AI). Необходимо создание специализированных регуляторных механизмов для сделок с участием ИИ. Целесообразно использование экспериментальных правовых режимов для тестирования новых подходов к регулированию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-агент, правосубъектность, гражданско-правовая ответственность, сделка, автономные системы, цифровизация права.

Введение

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в гражданский оборот обуславливает необходимость переосмысления традиционных правовых конструкций. Автономные ИИ-агенты, способные самостоятельно принимать решения и выполнять сложные задачи, входят в противоречие с действующим российским законодательством, которое не предусматривает ИИ в качестве самостоятельного субъекта права [3, с. 19]. Это создает фундаментальную проблему: если ИИ-агент совершает ошибку, которая приводит к убыткам, к кому предъявлять претензии?

Проблема правового статуса ИИ-агентов приобретает особую актуальность в контексте их способности совершать сделки [9, с. 19]. Отсутствие единого федерального закона, регулирующего сферу искусственного интеллекта, создает неопределенность для бизнеса, особенно крупного и работающего с чувствительными данными, вынужденного действовать в условиях правового вакуума. Это замедляет стратегическое внедрение передовых технологий и увеличивает потенциальные юридические риски.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правового статуса автономных ИИ-агентов в контексте их способности совершать сделки и нести ответственность за противоправные действия. Для достижения цели поставлены задачи по выявлению правовой природы ИИ-агентов, анализу действующих подходов к распределению ответственности, исследованию проблем «правового вакуума» и разработке концептуальной модели распределения ответственности.

Научная новизна работы заключается в разработке комплексного подхода к определению правового статуса ИИ-агентов, синтезирующего достижения цивилистической доктрины и современные технологические реалии. В статье предложена оригинальная модель распределения ответственности за действия ИИ-агентов, учитывающая степень их автономности и специфику выполняемых функций.

Структура статьи включает введение, методы исследования, результаты, научную дискуссию, заключение и список литературы. В научной дискуссии подробно анализируются ключевые аспекты правового статуса ИИ-агентов и предлагаются пути решения выявленных проблем.

Методы исследования

Для достижения поставленных целей и задач в исследовании применялся комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих всесторонность и достоверность полученных результатов.

Были использованы общенаучные методы: анализ и синтез позволили выделить структурные элементы правового статуса ИИ-агентов и интегрировать полученные знания в целостную концепцию; индукция и дедукция применялись для формулирования общих принципов на основе анализа конкретных случаев и, соответственно, выведения частных правил из установленных общих положений; сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов к регулированию ответственности ИИ-агентов в различных правовых системах.

Специальные методы исследования включали: правовое моделирование, позволившее разработать концептуальную модель распределения ответственности за действия ИИ-агентов; контент-анализ судебной практики, обеспечивший выявление тенденций в разрешении споров, связанных с использованием ИИ; формально-юридический анализ, примененный для интерпретации нормативных положений в контексте регулирования отношений с участием ИИ.

Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить методологическую обоснованность исследования и достоверность полученных результатов. Особое значение имел междисциплинарный подход, интегрирующий правовые и технологические аспекты анализа.

Результаты исследования

В результате анализа действующего законодательства установлено, что российское право не признает ИИ-агентов субъектами правоотношений. Они рассматриваются как инструмент или имущество, что создает фундаментальную проблему при определении ответственности за их действия [1, с. 21]. Выявлено, что в зарубежных юрисдикциях (ЕС, США, Китай) формируются различные подходы к регулированию ИИ. В ЕС доминирует превентивное регулирование через ИИ-Акт, в США – ex post применение tort law, в Китае – жесткий контроль с акцентом на содержание. Проанализированы прецеденты привлечения к ответственности за действия ИИ-систем, в том числе дело *Mobley v. Workday* (США), где впервые применена теория агента к вендору ИИ, и случаи в РФ, где прослеживается тенденция к применению ст. 1079 ГК РФ об ответственности за источник повышенной опасности. Создана многоуровневая модель распределения ответственности между оператором, разработчиком и пользователем ИИ-агента, учитывающая степень автономности системы, характер выполняемых функций и наличие человеческого контроля. Выявлено, что интеллектуальные системы

способны действовать непредсказуемо и независимо от того, как могли быть задуманы и запрограммированы их создателями, что усложняет задачу по определению ответственного лица в случае возникновения проблемных ситуаций. Установлена перспективность использования экспериментальных правовых режимов (ЭПР) или «регуляторных песочниц» для тестирования подходов к регулированию ИИ-агентов в ограниченных условиях с временным отступлением от действующих норм.

Научная дискуссия

Современные ИИ-платформы автоматизации, предоставляющие агентам доступ к веб-браузеру, файловой системе и терминалу, демонстрируют новый уровень автономности, не укладывающийся в традиционные правовые конструкции. Это ставит под сомнение устоявшееся представление об ИИ как исключительно об инструменте, аналогичном стандартному программному обеспечению. Проблема правосубъектности приобретает фундаментальный характер: в России, как и в большинстве стран, субъектами права являются физические и юридические лица, но не искусственные интеллектуальные системы.

Международная правовая доктрина демонстрирует различные подходы к определению искусственного интеллекта. Группа экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту (AI HLEG) Европейской комиссии определяет системы ИИ как «системы, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя свое окружение и предпринимая действия – с определенной степенью автономности – для достижения конкретных целей» [2, с. 17]. Ключевым признаком здесь является автономность, то есть способность функционировать без постоянного прямого вмешательства человека.

В контексте сделок особое значение приобретает способность ИИ-агентов не просто исполнять заранее запрограммированные алгоритмы, но и принимать решения в условиях неопределенности, руководствуясь заложенными в них целями и критериями оптимальности. Это качество сближает их с традиционными субъектами права, осуществляющими гражданско-правовую дееспособность [5, с. 157]. Однако, в отличие от корпораций, которые, будучи искусственными образованиями, действуют через свои органы управления, состоящие из физических лиц, ИИ-агенты могут действовать без постоянного непосредственного контроля.

Представляется, что наиболее перспективным направлением развития правового регулирования является концепция ограниченной правосубъектности ИИ-агентов, аналогичная конструкции юридического лица. Как отмечает Adnan Masood, в долгосрочной перспективе (5-10+ лет) policymakers могут рассмотреть вопрос о наделении высокоавтономных ИИ ограниченной правоспособностью (аналогично корпоративным образованиям) для распределения ответственности или заключения договоров, хотя большинство экспертов отвергают идею полной правосубъектности для ИИ [1, с. 189].

В настоящее время в российской правовой доктрине и судебной практике прослеживается несколько основных подходов к вопросу об ответственности за действия ИИ-агентов.

Гражданско-правовая ответственность по модели источника повышенной опасности представляет собой наиболее дискуссионный подход. В случае с автономной ИИ-платформой, которая действует без прямого скрипта, ответственность, вероятнее всего, будет возложена на оператора системы – компанию, которая внедрила и использует ИИ [3, с. 19]. При этом возникает вопрос о возможности применения ст. 1079 ГК РФ, предусматривающей ответственность за вред, причиненный деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих. Сторонники этого подхода указывают на непредсказуемость поведения автономных систем и их потенциальную способность причинять вред даже при правильной эксплуатации.

Деликтная ответственность по модели вины предполагает применение общих положений ГК РФ о возмещении вреда. В этом случае ключевое значение приобретает установление вины оператора или разработчика ИИ-системы в ненадлежащем осуществлении контроля, некачественном обучении модели или недостаточном тестировании [4, с. 82]. Сложность данного подхода заключается в необходимости доказать наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчика и наступившим вредом, что может быть затруднительно в случае «черного ящика», когда даже разработчики не могут полностью объяснить логику принятия решений ИИ-системой.

Договорная ответственность возникает в случаях, когда ИИ-агент используется для исполнения договорных обязательств. Например, если ИИ-система автоматически заключает сделки на основании заданных параметров, ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких сделок будет нести сторона по договору, использующая данную систему [6, с. 21]. При этом особую сложность представляет ситуация, когда ИИ-агент действует в рамках предоставленных полномочий, но

принимает решение, приводящее к убыткам, которые невозможно было предвидеть на момент программирования системы [10, с. 43].

Зарубежный опыт демонстрирует тенденцию к расширению ответственности вендоров ИИ-систем. В деле *Mobley vs. Workday* суд допустил возможность привлечения вендора ИИ к ответственности как «агента» компаний, использующих его автоматизированные системы скрининга. Это создало прецедент, когда вендор был признан ответственным за дискриминационные решения, принятые его алгоритмами, даже при наличии договорных ограничений ответственности.

Отсутствие комплексного нормативного регулирования ИИ в России создает ситуацию правовой неопределенности. Бизнес, внедряющий автономные ИИ-агенты в критические бизнес-процессы, вынужден действовать в условиях «регуляторного вакуума», что создает значительные правовые риски. При этом, как отмечают эксперты, существующие правовые конструкции могут оказаться недостаточными для адекватного регулирования новых общественных отношений, возникающих в связи с использованием автономных систем.

Особую проблему представляет вопрос о том, кто должен нести ответственность за ошибку, допущенную ИИ-агентом, который самостоятельно принял решение. В текущей правовой парадигме ответственность всегда лежит на человеке или юридическом лице [8, с. 45]. Однако с развитием технологий и увеличением степени автономности ИИ-систем этот принцип может потребовать пересмотра.

Перспективным направлением развития регулирования является концепция «законопослушного ИИ» (Law-Following AI), предполагающая проектирование ИИ-агентов, способных интерпретировать и соблюдать правовые нормы. В отличие от подхода Азимова с его тремя законами робототехники, современная концепция LFAI предполагает не жесткое программирование ограниченного набора правил, а создание систем, способных к интерпретации естественно-языковых правовых текстов и применению их в изменяющихся условиях.

В России активно развивается механизм Экспериментальных Правовых Режимов (ЭПР), или «регуляторных песочниц» (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ¹), который позволяет тестировать новые технологии, включая автономный ИИ, в ограниченных условиях с временным отступлением от действующих норм. Участие в ЭПР позволяет бизнесу тестировать внедрение автономных агентов в критические процессы, не опасаясь немедленных штрафов за нарушения в «серой зоне» права [7, с. 29].

На основе проведенного анализа предлагается многоуровневая модель распределения ответственности за сделки с участием ИИ-агентов, включающая следующие элементы:

1. Уровень правовой квалификации предполагает дифференциацию ИИ-агентов по степени автономности и значимости выполняемых функций. Для систем с ограниченной автономностью, действующих по заранее определенным алгоритмам, сохраняется традиционный подход к ответственности оператора. Для высокоавтономных систем, способных к самостоятельному принятию решений в условиях неопределенности, предлагается введение специального режима ответственности, сочетающего элементы ответственности за источник повышенной опасности и страхование профессиональной ответственности.

2. Уровень распределения ответственности между участниками отношений (разработчик, оператор, пользователь) должен определяться с учетом их реальной возможности влиять на поведение ИИ-агента. Разработчик должен нести ответственность за недостатки конструкции и обучения системы, оператор – за ненадлежащую эксплуатацию и недостаточный контроль, пользователь – за неправильную постановку задач и использование результатов работы системы.

3. Уровень технического обеспечения включает требования к функциональности ИИ-агентов, направленные на минимизацию рисков. К ним относятся обязательное логирование всех действий и решений агента, возможность аудита алгоритмического принятия решений, встроенные механизмы ограничения потенциально опасных действий. Как отмечается в исследованиях, платформа, предоставляющая агентам доступ к критическим ресурсам, должна иметь встроенные механизмы «аудиторского следа» (audit trail), позволяющие отследить каждое автономное действие и его соответствие заданным параметрам.

4. Уровень процессуального доказывания предполагает адаптацию процессуальных институтов к особенностям отношений с участием ИИ-агентов. В частности, предлагается введение презумпции вины оператора/разработчика при причинении вреда действиями автономного ИИ-агента,

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

а также специальных правил распределения бремени доказывания с учетом асимметрии информации между потерпевшим и владельцем сложной технологической системы.

5. Уровень компенсации ущерба включает механизмы страхования ответственности владельцев ИИ-агентов, создание компенсационных фондов и иные инструменты обеспечения ответственности, учитывающие потенциально крупный масштаб ущерба, который может быть причинен действиями автономных систем.

Развитие правового регулирования ИИ-агентов невозможно без учета этических аспектов их использования. К числу ключевых этико-правовых проблем относятся вопросы предотвращения дискриминации, обеспечения транспарентности принятия решений, защиты персональных данных и приватности.

Особую актуальность приобретает проблема алгоритмической предвзятости, когда ИИ-системы воспроизводят и усиливают существующие в обществе стереотипы и дискриминационные практики. Как показало дело «Mobley» против «Workday», алгоритмы скрининга кандидатов могут дискриминировать соискателей по возрастному признаку, причем масштабы такой дискриминации могут быть значительными в силу тиражирования одного алгоритма многими пользователями.

Вопрос о защите персональных данных приобретает особое значение в контексте ИИ-агентов, часто работающих с большими массивами данных, включая персональные. Соответствие Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ является обязательным, однако автономные ИИ-агенты, имея доступ к файловой системе и интернету, могут непреднамеренно обработать или передать персональные данные с нарушением требований законодательства [8, с. 18]. Техническая изоляция обработки персональных данных, встроенные механизмы анонимизации и псевдонимизации становятся необходимыми элементами архитектуры ИИ-агентов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. ИИ-агенты в настоящее время не обладают правосубъектностью в понимании действующего российского законодательства и не могут самостоятельно нести ответственность за сделки. Они рассматриваются как инструмент или имущество, что создает значительные сложности при определении ответственного лица в случае причинения вреда или неисполнения обязательств.

2. Ответственность за действия ИИ-агентов должна распределяться между операторами, разработчиками и пользователями с учетом степени автономности системы, характера выполняемых функций и возможности осуществления контроля за поведением ИИ-агента. Перспективным направлением является разработка дифференцированного подхода к регулированию ответственности в зависимости от категории ИИ-агента и рисков, связанных с его использованием.

3. Концепция «законопослушного ИИ» (Law-Following AI), предполагающая проектирование ИИ-агентов, способных интерпретировать и соблюдать правовые нормы, представляет собой перспективное направление развития регулирования. В отличие от жесткого программирования ограниченного набора правил, данный подход позволяет создавать системы, способные адаптироваться к изменяющимся правовым условиям и учитывать контекст принятия решений.

4. Создание специализированных регуляторных механизмов для сделок с участием ИИ является насущной потребностью развития цифровой экономики. Многоуровневая модель ответственности, включающая правовую квалификацию, распределение ответственности, технические требования, процессуальные аспекты и механизмы компенсации, может стать основой для будущего нормативного регулирования.

5. Использование экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц») для тестирования новых подходов к регулированию ИИ-агентов позволяет апробировать различные модели распределения ответственности в контролируемых условиях без немедленного применения санкций за нарушения действующих, но неадекватных новым реалиям норм права.

Значимость проведенного исследования для науки и практики заключается в разработке комплексного подхода к определению правового статуса ИИ-агентов, синтезирующего достижения цивилистической доктрины и современные технологические реалии. Предложенная модель распределения ответственности может быть использована в law-making процессе и правоприменительной практике².

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

² Потапенко С.В. ИИ в правосудии: помощник или замена судьи? [сайт]. Коммерсантъ; 2025 [обновлено 20 октября 2025; процитировано 25 октября 2025]. Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/8138953>.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка критериев классификации ИИ-агентов для целей правового регулирования, анализ зарубежного опыта регулирования ответственности за действия автономных систем, исследование возможностей технологии распределенных реестров для фиксации сделок, совершаемых ИИ-агентами.

Список использованной литературы:

1. Абакарова А.Р. Искусственный интеллект как субъект права: фантастика или будущее юридической науки? *Финансовая экономика*. 2025;(5):189–191.
2. Арефьева О.В. Я – специалист и профессионал: *сборник научных статей V Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. Арефьева О.В.* Санкт-Петербург; 2025.
3. Вавилин Е.В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта: формирование новых правовых режимов. *Вестник гражданского процесса*. 2021;(11):13–35. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-6-13-35.
4. Воронин Е.Ю., Ластин В.И. Эволюция искусственного интеллекта: от экспертных систем к автономным агентам. *Моя профессиональная карьера*. 2025;(72):82–86.
5. Голованов В.И. Использование искусственного интеллекта в повышении качества подготовки специалистов в сфере государственного и муниципального управления. *Муниципальная академия*. 2023;(3):157–169. DOI: 10.52176/2304831X_2023_03_17.
6. Голоманчук Э.В. Актуальные проблемы частного и публичного права. *Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, РАНХиГС) / отв. ред. Голоманчук Э.В.* Волгоград; 2025.
7. Зарайская Э.С., Гайдук Н.В. Искусственный интеллект в сфере государственного и муниципального управления в современной России. *Цифровизация экономики: направления, методы, инструменты: сборник научных статей*. Краснодар; 2025.
8. Олин Р.А., Портнов К.В., Шатрова Е.С. Инновационный менеджмент предприятия в условиях взаимодействия с машинными клиентами и автономными агентами на основе искусственного интеллекта. *Журнал монетарной экономики и менеджмента*. 2024;(3):218–224.
9. Пономарева Е.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовой анализ. *Вестник Гуманитарного университета*. 2023;(43(4)):17–31. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).02.
10. Соколов Ю.И. Риски высоких технологий: монография. М.; 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркосян Георгий Ашотович

кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

SPIN-код: 9559-0821

AuthorID: 797580

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-40-47>

СЕМЕЙНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Матыцин Д.Е.^{*1}, Федорова П.А.²

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040);

²ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

(Университетский проспект, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062)

Ссылка для цитирования: Матыцин Д.Е., Федорова П.А. Семейное предпринимательство в эпоху цифровых технологий: правовой аспект. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):40–47. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-40-47>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Матыцин Денис Евгеньевич*, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права, Главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (988) 988-22-22

E-mail: Dmatytsin@ya.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00129 «LegalTech в семейном бизнесе как драйвер устойчивого развития: экономика-правовая инфраструктура».

Статья поступила в редакцию: 24.10.2025

Статья принята к печати: 20.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Целью настоящей статьи является анализ актуальных проблем семейного предпринимательства в контексте процессов цифровизации, выявление пробелов правового регулирования и предложение направлений совершенствования законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: рассмотреть ряд дискуссионных юридических категорий (семейное предпринимательство, цифровые инвестиции и технологии); исследовать по-ложения научной доктрины о цифровизации и семейном предпринимательстве, а также российское законодательство; провести сравнительный анализ различных точек зрения в данной сфере; предложить рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования.

Цель и задачи работы определили методологию настоящего исследования, в основу которого были положены сравнительно-правовой, формально-логический, диалектический методы, а также метод правового моделирования.

В результате проведенного исследования автором сформулирован ряд выводов, а также предложены рекомендации по совершенствованию семейного и предпринимательского законодательства России, включая терминологию, уточнение режима самозанятых, правового статуса семейных предприятий и семейных инвестиций.

Выводы: семейный бизнес стал заметным явлением экономики, однако остается в тени из-за отсутствия четкого законодательного регулирования. Неопределенность правового статуса семейного предприятия порождает риски для членов семьи (споры при разделе имущества, ответственность по долгам, сложность регистрации). Необходимо законодательно закрепить понятие семейного предпринимательства, определить критерии отнесения бизнеса к категории семейного, установить специальный порядок регистрации, а также ведения учета таких предприятий. Рекомендуется предусмотреть дополнительные меры государственной поддержки семейного бизнеса. Автор считает, что проблемы семейного бизнеса необходимо рассматривать в контексте происходящей в РФ цифровой трансформации семейных и предпринимательских отношений. Использование цифровых

технологий в юридической практике становится повседневным процессом. В РФ необходимо активнее внедрять государственные LegalTech-решения, а в сферах, требующих специальных знаний (банкротство супругов, цифровые активы) создавать экспертные рабочие группы, шире привлекать IT-специалистов, экономистов, юристов для выработки стандартов работы с новыми цифровыми технологиями, что позволит лучше обеспечить защиту прав граждан.

Ключевые слова: семейный бизнес, семейные инвестиции, цифровые технологии, LegalTech-продукты, самозанятые, индивидуальный предприниматель, договор, регистрация семейного предприятия.

Введение

В современных условиях семейное и предпринимательское право сталкиваются с множеством новых вызовов, обусловленных изменениями экономики и активным проникновением цифровых технологий во все сферы жизни государства и общества. Семья сегодня не только ведет домашнее хозяйство, но и все чаще выступает участником экономических отношений – от семейного предпринимательства до инвестирования в цифровые активы. Одновременно информационные технологии трансформируют способы осуществления семейных прав и обязанностей: появляются электронные сервисы для регистрации актов гражданского состояния, дистанционные нотариальные сделки, цифровые доказательства в семейных спорах и др. Эти процессы выявляют целый ряд пробелов в законодательстве, требующих научного осмысления и нормативного регулирования. В связи с этим необходимо адаптировать российское законодательство к новым реалиям. Во-первых, остается нерешенным вопрос правового статуса семейного бизнеса – семейные предприятия фактически существуют, но их деятельность происходит в условиях правовой неопределенности из-за отсутствия специального правового регулирования. Во-вторых, цифровизация ставит новые вопросы в сфере семейных правоотношений: использование электронных технологий в брачно-семейных процедурах, защита приватности семьи в эпоху цифрового следа, применение LegalTech-сервисов для заключения договоров между супругами, ведение семейного предпринимательства и управление семейными инвестициями. В-третьих, появляются вызовы, связанные с особым статусом самозанятых супругов, обработкой больших данных, затрагивающих жизнь семьи, а также отсутствием легальных дефиниций для новых понятий («семейное предприятие», «семейное предпринимательство», «семейные инвестиции» и др.).

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи обусловили использование следующих методов научного познания: сравнительно-правового, формально-логического, диалектического, правового моделирования.

Результаты исследования

Сформулирован ряд предложений и выводов, которые могут представлять теоретический и практический интерес:

1) обоснована необходимость законодательного закрепления в семейном и предпринимательском праве таких легальных определений как «семейное предпринимательство», «семейное предприятие», «семейные инвестиции», «цифровое наследство», а также критериев отнесения бизнеса к категории семейного (степень родства участников и др.).

2) предлагается разработать специальный правовой режим семейного предприятия, включающий особый порядок государственной регистрации и учета таких субъектов, распространение на них мер государственной поддержки, а также уточнение статуса и ответственности членов семьи (в т.ч. самозанятых супругов).

3) аргументирована целесообразность нормативного закрепления правового режима цифровых активов семьи (криптовалют, токенов, цифровых финансовых активов и иного виртуального имущества) как объектов совместной собственности супругов. При этом рекомендуется предусмотреть в СК РФ и ином законодательстве специальные правила их учета, декларирования, раздела при разводе и включения в наследственную массу.

4) для ускорения цифровой трансформации семейных и предпринимательских отношений предлагается развивать и внедрять (с помощью профильных междисциплинарных экспертных групп) государственные LegalTech-решения (цифровой профиль семьи, онлайн-конструкторы семейных и предпринимательских договоров, цифровые сервисы регистрации, сопровождение семейного бизнеса).

Научная дискуссия

В российском законодательстве до сих пор отсутствует официальное определение понятия «семейный бизнес», а семейные предприятия не выделены как особая организационно-правовая форма,

что создает определенные проблемы их участникам. На практике под семейным бизнесом обычно понимают коммерческую деятельность, в которой собственность и управление сосредоточены в руках членов одной семьи, а сам бизнес ориентирован на долгосрочное функционирование с передачей по наследству внутри семьи. Однако по причине правовой неоформленности такого предприятия семейные предприниматели сталкиваются с рисками: роли, доли участия, обязанности, ответственность членов семьи часто нигде формально не закреплены. И если семейный бизнес создается «по-домашнему», без четких договоренностей, то в случае возникновения конфликтов или юридически значимых событий (например, развод супругов или выход одного из родственников из дела, смерть основателя) правовые последствия становятся непредсказуемыми. Практика показывает, что без формализации ключевых аспектов (права собственности, управления, наследования, распределения прибыли и убытков) семейный бизнес превращается в потенциальный источник острых споров, вплоть до утраты контроля семьей над активами или блокировки счетов.

В отсутствие специального закона семьи вынуждены использовать имеющиеся правовые формы предпринимательства, каждая из которых имеет ограничения в контексте семейного бизнеса. На начальных этапах наиболее популярной формой становится получение одним из членов семьи статуса индивидуального предпринимателя (ИП), что привлекает простой регистрацией и низкими налогами. Однако вся имущественная ответственность в случае выбора ИП ложится на одного человека. Если семейный бизнес терпит убытки или банкротство, кредиторы могут обратиться с иском как на личное имущество этого предпринимателя, так и на общее семейное имущество супругов. Тем самым остальные члены семьи, фактически участвующие в деле, юридически не защищены. Более защищенная модель – создание общества с ограниченной ответственностью (ООО), где можно распределить доли между членами семьи, прописать в уставе порядок выхода участника и условия наследования долей, а также заключить корпоративный договор, регламентирующий права и обязанности всех сторон. Специфической формой семейного предпринимательства в аграрной сфере выступают крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) – такая форма прямо предусмотрена законом для родственников. Однако КФХ охватывает лишь сельскохозяйственный бизнес и не подходит для иных отраслей экономики [5, с. 95]. Отдельно следует упомянуть режим самозанятости, введенный в российское право экспериментальным налоговым режимом «Налог на профессиональный доход» (НПД). Статус самозанятого привлекателен для микробизнеса одного лица (в т.ч. кого-то из членов семьи), т.к. он не требует регистрации ИП и обязывает платить 4-6% налога с доходов физических лиц. Однако самозанятый гражданин по закону не вправе привлекать наемных работников и потому остается обычным физическим лицом, а не полноценным субъектом предпринимательского права. Закон прямо запрещает самозанятым заключать договор простого товарищества для совместной предпринимательской деятельности, поскольку сторонами такого договора могут быть только ИП или организации. Таким образом, если супруги оба зарегистрированы как самозанятые и фактически вместе ведут общее дело, им приходится формально разделять клиентов и доходы между собой, действуя параллельно, а не совместно. Это затрудняет ведение общего семейного бизнеса.

Самозанятость может быть удобна для одного члена семьи, но не дает возможности полноценно развивать дело совместно и нанимать работников, к тому же годовой доход самозанятого ограничен. В результате семьи либо вынуждены регистрировать юридические лица (ООО), либо функционировать неформально.

Отсутствие специальных норм о семейном бизнесе порождает и ряд других проблем, тормозящих развитие этого социально значимого вида предпринимательства. Во-первых, не определен круг участников такого семейного предприятия. Если для фермерских хозяйств закон четко указал, кто может быть членом КФХ, то для семейного бизнеса это нигде не установлено, в т.ч. какие родственники могут совместно вести дело. Так, неясно, ограничивается ли семья только супругами и их детьми, или же в бизнесе могут участвовать и более дальние родственники (братья, сестры, племянники), а также что происходит, если семейные связи прекращаются (развод). Неопределенность состава участников порождает споры среди существующих семейных предприятий: кого считать совладельцем, чьи права учитывать, как оформлять отношения с новыми членами семьи и т.д.

Во-вторых, нет ясности в порядке государственной регистрации семейного предприятия. Должен ли бизнес регистрироваться как единое целое и где – через обычную процедуру регистрации юридических лиц (ИП) или каким-то особым образом? Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-

ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹ таких категорий не знает. На практике это приводит к тому, что многие семейные предприятия действуют полуофициально или вовсе без регистрации [10, с. 13], что по закону приравнивается к незаконному предпринимательству. Это пагубно сказывается на экономике (семейный бизнес не может полноценно функционировать и выпадает из статистики), а семьям грозят санкции при отсутствии правовой защиты.

В-третьих, не урегулирован раздел семейного бизнеса [6]. Семья как социальный институт подвержена внутренним конфликтам, а иногда и распаду брака. В случае развода супругов или раздела имущества между родственниками встает сложный вопрос: как поделить совместный семейный бизнес? В силу пробелов в праве суды вынуждены рассматривать такие споры по аналогии с разделом общего имущества супругов или совместной деятельностью, и общего подхода нет.

Осознавая значимость семейного предпринимательства, государство в последние годы предприняло ряд шагов по формализации данного явления. Еще в 2016 г. был разработан Законопроект № 1094602-6 «О развитии семейного предпринимательства в Российской Федерации» (однако он не был принят);² аналогичные попытки предпринимались и позже. На эту проблему обращал внимание Президент РФ В.В. Путин, который отмечал, что детальное правовое регулирование семейного бизнеса способствовало бы полноценной работе таких предприятий, получению ими государственной поддержки и уменьшению проблем у государства³. Свой вклад в легализацию данной категории внес и ряд субъектов РФ.

Рязанская область первой закрепила в своем региональном законе понятие «семейное предприятие»;⁴ за ней вскоре последовали Башкортостан, Нижегородская область и другие субъекты РФ. Однако на федеральном уровне пробел в праве до сих пор сохраняется. Между тем, численность семейных предприятий в стране растет, они демонстрируют высокую устойчивость в кризисные периоды, а потому требуют нормативной поддержки. В последние годы вышел ряд фундаментальных исследований по данной теме – монографии и статьи отечественных ученых (Д.А. Пономарев, А.Н. Левушкин, И.В. Ершова, М.М. Дарькина и другие) призывают к скорейшей легализации семейного предпринимательства. Ими был предложен комплекс мер: ввести в законодательство легальное понятие «семейное предприятие (бизнес)» [16, с. 61]; определить критерии (степень родства участников, доля семьи в капитале, количество сотрудников – например, только члены семьи или допускаются сторонние работники); установить порядок регистрации семейного предприятия; регламентировать порядок раздела семейного бизнеса при разводе или выходе из него члена семьи (например, преимущественное право выкупа доли оставшимися родственниками); предоставить семейному предприятию статус самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица [13, с. 96], распространить меры государственной поддержки МСП на семейные предприятия [7, с. 160], предусмотреть налоговые льготы и т.д.

Указанные выше проблемы правового регулирования семейного предпринимательства необходимо рассматривать в контексте идущих современных процессов цифровизации семейных и предпринимательских отношений [8, с. 99]. Дело в том, что семейные предприятия часто страдают от отсутствия юридического сопровождения. Здесь им на помощь должны прийти LegalTech-продукты, ориентированные на малый бизнес, которые можно адаптировать и под цели семейного бизнеса. Существуют онлайн-конструкторы учредительных документов – с их помощью можно самостоятельно подготовить проект устава ООО с учетом семейных договоренностей (раздел прибыли, запрет отчуждения долей вне семьи, порядок принятия решений и т.д.). Специализированные CRM-системы и бухгалтерские сервисы позволяют наладить учет финансов семьи и бизнеса, разделить личные и деловые расходы, что важно для прозрачности. Некоторые юридические компании предлагают комплексное сопровождение семейного бизнеса через интернет – от регистрации фирмы до

¹ Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СПС «Консультант плюс», дата обращения 17.11.2025.

² Законопроект № 1094602-6 «О развитии семейного предпринимательства в Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1094602-6> (дата обращения 17.11.2025).

³ Новый шаг в развитии семейного бизнеса в России: Президент РФ Путин поддержал предложения Торгово-промышленной палаты // <https://lo.tpprf.ru/ru/news/316711/> (дата обращения 17.11.2025).

⁴ Закон Рязанской области от 09.07.2008 № 73-ОЗ (ред. от 06.03.2023) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Рязанской области» // <https://docs.cntd.ru/document/819055529> (дата обращения 17.11.2025).

регулярного мониторинга соблюдения корпоративного соглашения и обновления документов при изменении состава семьи.

Наиболее актуальными будут LegalTech-сервисы, помогающие преодолеть проблемы, свойственные семье в бизнесе. Например, с их помощью можно заранее создать механизм, срабатывающий в случае смерти участника бизнеса; сервисы контроля полномочий позволяют отслеживать, чтобы ни один член семьи, участвующий в работе семейного предприятия, не смог выходить за пределы предоставленных ему прав (например, система блокирует транзакцию сверх оговоренной суммы без согласия членов семьи). Эти технологии снижают риск конфликтов и злоупотреблений внутри семейного бизнеса. С учетом популярности режима самозанятости появились приложения, облегчающие их работу: мобильные налоговые сервисы, автоматически рассчитывающие налог на профессиональный доход или генерирующие справки о доходах членов семьи. Кроме того, разрабатываются платформы совместного выполнения проектов самозанятыми – например, семейная пара дизайнеров-самозанятых может через онлайн-сервис заключить с клиентом единый договор, в котором автоматически распределено вознаграждение между супругами по заданной пропорции. Формально это два договора (с каждым самозанятым), но для пользователя они выглядят как единое целое. Такие решения отчасти компенсируют законодательный запрет договора о совместной деятельности самозанятых, позволяя семье работать согласованно.

Многие современные семейные предприятия ведут бизнес онлайн – через маркетплейсы, соцсети, собственные сайты. LegalTech здесь предоставляет инструменты для онлайн-правовой поддержки электронной коммерции: генерируются типовые оферты, политика конфиденциальности, пользовательские соглашения для интернет-магазинов, которыми владеет семья; интегрируются модули безопасных платежей и электронного документооборота с покупателями. В результате семейный бизнес может легально действовать в интернете с соблюдением требований законодательства о защите прав потребителей и персональных данных. Тем не менее, многое еще предстоит сделать, на уровне разработки прикладных LegalTech-решений и в нормативном плане, чтобы снизить бюрократическую нагрузку и стимулировать переход семейного бизнеса «в цифру» [3].

Цифровизация в сфере семейного предпринимательства может затронуть и такую сферу, как банкротство. Институт банкротства граждан (в т.ч. индивидуальных предпринимателей) сравнительно недавно стал активно применяться в России (с 2015 года допускается банкротство физических лиц). За это время уже сформировалась практика, в том числе затрагивающая семью должника: при несостоятельности одного из супругов возникает вопрос о судьбе общего имущества супругов и обязательств. По закону кредиторы вправе обратиться с иском о взыскании на долю должника в общем имуществе, а второй супруг может заявить свои права на половину активов. Однако на практике раздел активов при банкротстве – это сложный процесс, требующий участия в деле второго супруга, процедур раздела имущества и пр. Кроме того, долги, связанные с семейным бизнесом, могут быть признаны общими долгами супругов. В сфере банкротства уже появились продвинутые цифровые инструменты, которые могут помочь и семьям-должникам, и финансовым управляющим. Во-первых, функционирует Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, доступный онлайн, где публикуются все ключевые документы дела – это повышает информированность сторон, в том числе супругов, и прозрачность процесса. Во-вторых, разрабатываются системы искусственного интеллекта для анализа финансового состояния должника: такие программы способны обрабатывать большие объемы банковских выписок, выявлять подозрительные транзакции, искать скрытые активы. Абсолютным проявлением LegalTech в банкротстве стало бы электронное правосудие, когда все стадии – от подачи заявления о банкротстве до продажи имущества – проходят онлайн. Уже сейчас заявления могут быть поданы через интернет, судебные заседания часто проводятся в режиме видеоконференции, а торги по продаже имущества должников переходят в электронную форму на специализированных площадках. Дальнейшая цифровизация (автоматическое уведомление супруга о начале процесса; онлайн-кабинет для подачи требований; электронное взаимодействие с финансовым управляющим и др.) сделает процедуру удобнее и понятнее для участников, в том числе членов семьи должника.

Не менее важный и перспективный вопрос заключается в правовом сопровождении цифровых инвестиций семьи. Под последними можно понимать вложение семейных средств в объекты цифровой экономики – криптовалюты, токены, цифровые финансовые активы и иное виртуальное имущество (например, доли в онлайн-проектах). В последние годы все больше российских граждан, в т.ч. семей, владеют криптовалютой или другим цифровым имуществом, рассматривая это как способ сбережения и преумножения капитала [4]. С юридической точки зрения криптовалюта в России не является законным средством платежа, но признается имуществом (цифровым правом). Соответственно, если биткоины были приобретены во время брака на общие средства, они должны относиться к совместно

нажитому имуществу супругов и подлежать разделу при разводе. Однако на практике раздел криптоактивов – очень сложная юридическая задача [15].

Во-первых, существует проблема доказательства существования и принадлежности цифровых активов. Криптовалюты анонимны: если один из супругов хранит их в личном кошельке (не на централизованной бирже), установить наличие этих активов и связать кошельки с конкретным лицом крайне затруднительно. Дело в том, что недобросовестный супруг может утаить свои криптовложения путем создания новых анонимных кошельков и заявить, что у него ничего нет. В юридической практике есть случаи, когда для выявления криптовалют приходилось прибегать к расследованию в рамках уголовного дела или искать косвенные улики (переводы с банковского счета на крипто-обменники). Все это означает, что обычные семейные механизмы (декларации, запросы в банки) теперь мало помогают – нужны специальные технические решения, которых пока недостаточно.

Во-вторых, неопределенность правового режима цифровых активов при их разделе. Законодательство о цифровых финансовых активах (ЦФА) и цифровой валюте установило общие положения, но специальных норм об их разделе при разводе не содержит. Современное российское законодательство пока не содержит и специальных норм, регулирующих правовой режим виртуальных активов в контексте раздела имущества супругов [14, с. 154]. Судебная практика только формируется. Есть примеры, когда суд, исходя из принципов равенства долей, признавал за бывшими супругами право на половину выявленной криптовалюты.

Однако оценка таких активов колеблется (курс криптовалюты нестабилен), механизм принудительного исполнения решения непонятен – как заставить выплатить половину биткоина, если у скрывшего его супруга формально ничего нет? Остается открытым вопрос о юридической судьбе при разводе бизнес-аккаунтов в социальных сетях, которые приносили стабильную прибыль одному из супругов [1, с. 5]. В Госдуме осознают проблему: появились предложения прямо прописать в Семейном кодексе, что криптовалюты относятся к совместно нажитому имуществу и подлежат разделу. Это был бы позитивный шаг, однако одного признания тут недостаточно – нужны инструменты реализации. Необходимо обучать судей и адвокатов разбираться в цифровых активах, разрабатывать механизмы, позволяющие доказать наличие и происхождение криптовалюты, что непросто.

Тем не менее, уже появляются сервисы для отслеживания портфеля криптовалют: супруги могут совместно видеть движение своих цифровых инвестиций, что повышает доверие и прозрачность в семье. С точки зрения правового сопровождения, некоторые компании предлагают услуги по «белому» оформлению цифровых активов – консультируют, как задекларировать криптовалюту, как отразить ее в брачном договоре, соглашении о разделе имущества семьи. Например, в брачном договоре супруги могут прямо указать принадлежащие им цифровые активы, распределить доли владения, оговорить порядок доступа к ключам. LegalTech-сервисы могут автоматизировать этот процесс – обновлять оценку криптоактивов по текущему курсу, генерировать приложения к договору и т.п.

Еще одной стороной этого вопроса является цифровое наследство: если семья инвестирует в криптовалюты, важно предусмотреть, как наследники получают к ним доступ. Традиционное наследственное право тут с трудом применимо, если доступ защищен паролем, известным лишь покойному [11, с. 156]. Решение предлагают блокчейн-стартапы: «смарт-наследство», когда при отсутствии активности владельца в течение определенного времени доступ к кошельку автоматически передается доверенному лицу (или рассекречивается ключ). Однако без легального признания таких механизмов в РФ они не имеют юридической силы.

Таким образом, цифровые инвестиции семьи – это новый рубеж семейного права, где еще многое предстоит сделать. Правоприменители и законодатель только подходят к пониманию, как вписать виртуальные активы в традиционные институты имущества супругов, наследования и договоров. Правовое сопровождение здесь должно сочетать глубокие знания цифровых технологий с учетом специфики семейных отношений (доверительный характер, защита слабой стороны – детей и нетрудоспособных [17, с. 67]). В ближайшие годы ожидается дальнейшее развитие законодательства о цифровых активах, и важно, чтобы в него интегрировались семейно-правовые особенности, тогда семьи смогут безопаснее инвестировать в инновационные инструменты, понимая свои права и гарантии [9]).

Одной из сквозных проблем, о которых говорилось выше, является отсутствие четкого понятийного аппарата для ряда новых экономико-правовых явлений, возникающих на стыке семейного права, предпринимательства и цифровых технологий. Законодательство в России традиционно консервативно в определениях семейно-правовых категорий, оперируя устоявшимися понятиями (брак, супруги, дети, алименты и т.д.). Однако наступило время дополнить его терминологию такими

конструкциями, как «семейное предприятие», «семейное предпринимательство», «семейные инвестиции», «цифровой профиль семьи», «цифровое наследство» и ряд других. Отсутствие их нормативного закрепления затрудняет разработку специального законодательства и зачастую оставляет реально существующие общественные отношения без надлежащего правового регулирования.

Пример семейного бизнеса наиболее показателен: долгое время даже само слово «семейный» применительно к бизнесу вызывало дискуссии – нужно ли его легализовывать. На наш взгляд, под ним необходимо понимать предпринимательскую деятельность, которая осуществляется совместно членами одной семьи (супруги, их дети (совершеннолетние и несовершеннолетние) и их родители. Возможно, имеет смысл для экономических целей определить семью шире [12, с. 7] (включая, например, лиц, не состоящих в браке, если они совместно ведут хозяйство, а также отдельные категории родственников супругов). Требуется уточнения и понятие «семейные инвестиции» – под ними можно понимать вложение семейного капитала (совместных денег супругов или членов семьи в широком смысле) в какие-либо проекты и активы. В условиях развития частных инвестиций граждан, следовало бы отразить в законе, что инвестиции, осуществленные за счет общих средств супругов, считаются совместным имуществом (это вытекает из общих норм права, однако ни в Гражданском кодексе РФ, ни в Семейном кодексе РФ об этом прямо не сказано).

Проведенный анализ актуальных проблем позволяет сформулировать ряд выводов и предложений. Семейный бизнес стал заметным явлением экономики, однако остается в тени из-за отсутствия прямого законодательного регулирования. Неопределенность статуса семейного предприятия порождает риски для членов семьи. Очевидна необходимость законодательного закрепления понятия семейного предпринимательства. Рекомендуются также определить критерии отнесения бизнеса к категории семейного, установить специальный порядок регистрации и ведения учета таких предприятий. Следует также предусмотреть меры государственной поддержки для семейного бизнеса наравне с малыми предприятиями. На сегодняшний день в РФ отсутствует правовая база, учитывающая происходящую цифровую трансформацию семейных и предпринимательских отношений. Использование технологий в юридической практике – объективный процесс, и семейное право не исключение.

В России необходимо активнее внедрять государственные LegalTech-решения, а в сферах, требующих специальных знаний (банкротство супругов, цифровые активы), следует создавать экспертные рабочие группы, куда привлекать IT-специалистов, экономистов и юристов для выработки стандартов работы с новыми цифровыми объектами [2]. Только сочетание детального законодательного регулирования и современных цифровых технологий позволит обеспечить реальную защиту прав граждан, что наглядно иллюстрируется на примере обращения криптовалюты. В РФ назрела объективная необходимость гармонизировать нормы семейного, гражданского, налогового и трудового права. Например, при реформе законодательства о самозанятых важно учесть семейный аспект: разрешить совместную деятельность членов семьи на спецрежиме, закрепить иные формы кооперации. Сквозное включение в разные законы семейно-правовых гарантий предотвратит появление новых «белых пятен» в правовом регулировании.

Список использованной литературы:

1. Агаева В.В. Раздел аккаунта в социальной сети при прекращении брачно-семейных правоотношений. *Вестник права*. 2023;(4):4–8.
2. Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;(3(2)):23–32.
3. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Цифровизация семейных отношений: правовой аспект. *Современное общество и право*; 2025(3):98–106.
4. Анисимов А.П. Цифровизация гражданского права в России и ЕС: вопросы теории и практики. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;(3(3)):54–65.
5. Белова А.С. Семейный бизнес и семейное предпринимательство: проблемы современного существования и функционирования в Российской Федерации. *Современные достижения молодых исследователей: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса*. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»; 2023.
6. Громоздина М.В. Семейное предпринимательство: проблемы раздела общего имущества супругов. *Право и правоприменение в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Новосибирск; 2020.
7. Дарькина М.М., Короткова О.В. Проблемы легализации семейного предпринимательства в сложившихся экономических условиях. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023;(8):155–161.

8. Иншакова А.О., Квициния Н.В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов. *Власть Закона*. 2024;(58(2)):99–110.
9. Иншакова А.О., Матыцин Д.Е. Инвестирование в цифровые права с использованием инвестиционных платформ: специфика правоотношений. *Вестник Московского университета МВД России*. 2024;(3):85–93.
10. Киселев А.С. Семейное предпринимательство как инструмент социальной поддержки малообеспеченных категорий граждан в России. *Lex russica*. 2023;(76(9)):9–20.
11. Копьев А.В. Цифровое наследство. *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2023;(22(1)):155–158.
12. Левушкин А.Н., Измайлов В.В. Государственная политика в сфере семейного предпринимательства и его поддержка. *Современный юрист*. 2021;(1):68–80.
13. Левушкин А.Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;(18(8)):90–99.
14. Лучинина Д.А. Раздел виртуального имущества при разводе. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;(99(12–1)):153–156.
15. Переломова О.С. Возможность и специфика раздела цифровых активов супругов и бывших супругов в некоторых зарубежных странах. *Вестник академии управления и производства*. 2024;(1):311–320.
16. Пономарев Д.А. Понятие и признаки семейного предпринимательства. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2021;(11(5)):54–64.
17. Пономарев Д.А. Особенности ответственности перед третьими лицами при отдельных формах семейного предпринимательства. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2023;(13(4)):62–71.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матыцин Денис Евгеньевич

доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права, Главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Федорова Полина Анатольевна

аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-48-54>

ОТХОДЫ КАК ОБЪЕКТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ НИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

Щенникова Л.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Щенникова Л.В. Отходы как объект права собственности и гражданско-правовые основы извлечения из них экономической и социальной ценности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):48–54. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-48-54>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Адрес: Ставропольская ул. д. 149, Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 333-79-36

E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.10.2025

Статья принята к печати: 20.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Цель работы – обратить внимание на необходимость изучения гражданско-правового аспекта проблемы утилизации и вторичного использования отходов. Отходы – это объект права собственности, но объект особого рода, соответственно, гражданское законодательство не может быть безразлично к регулированию процессов прекращения данного вещного права.

Задачи работы включают в себя анализ действующего законодательства Российской Федерации, посвященного утилизации и использованию отходов как объектов права собственности. Кроме того, в орбиту исследования будут включены научные разработки представителей различных отраслевых наук в данной сфере. Изучение нормативных и доктринальных источников заставляет говорить, что разработкой экономических и социальных аспектов использования отходов должна заниматься и цивилистическая наука. Цивилистический аспект разработок должен быть направлен на определение пределов свободы усмотрения в осуществлении правомочия распоряжения отходами.

Доказывается, что отходы являются вещами, хотя и с отрицательной стоимостью. Вот почему гражданско-правовая наука призвана активно участвовать в создании механизмов извлечения из них максимальной экономической и социальной ценности. Предложено дополнить перечень ограничений в осуществлении права собственности (п. 2 ст. 209 ГК РФ) правилами рационального и эффективного использования отходов.

Ключевые слова: вещное право, объекты гражданских прав, право собственности, вещи, прекращение права собственности.

Введение

Среди объектов права собственности отходы, включая содержимое наших мусорных ведер, являются, пожалуй, самыми распространенными, хотя и не желательными. Действительно, в отношении мусора не возникает желания констатировать – «это мое», тем не менее, с точки зрения гражданского права, он так же нам принадлежит, как и другие вещи – объекты права собственности.

В масштабах страны ежегодно отходов образуется десятки миллионов тонн, что в расчете на душу населения составляет 400-600 килограммов. Статистические данные свидетельствуют, что жители больших городов ежеминутно выбрасывают на помойку около 68 граммов мусора.

Распространенность исследуемого объекта гражданских прав сочетается с его отрицательной стоимостью. Эти объекты не только оказываются ненужными, но и опасными, имея в виду бактериологическую эпидемиологическую безопасность. Вот почему в странах мира, включая Российскую Федерацию, создаются механизмы, позволяющие снизить уровень угроз, обеспечив утилизацию и максимально возможную вторичную переработку. Мусор, как показывает практика, может иметь значительную ценность. Так, по некоторым данным, в тонне старых мобильных телефонов содержится в 60 раз больше золота, чем в тонне золотоносной руды. А из подгузников и пеленок, очень вредных, если они попадают на обычные свалки, можно делать топливные брикеты, которые используют в котельных и частных отопительных системах. Следовательно, задачей правового регулирования является поиск таких инструментов, которые позволят максимально извлечь из отходов экономическую ценность. Решение проблемы утилизации отходов имеет и ярко выраженный социальный аспект. Чем выше уровень развития общества, тем больше внимания оно уделяет так называемой «мусорной» проблеме. В некоторых странах, например, в Японии, созданы даже Федерации по спортивному сбору мусора. В России так же организуются подобные состязания. Социологические исследования свидетельствуют, что дети, воспитанные на данных конкурсах, в обычной жизни сами поднимают мусор в городе.

Методы исследования

В работе использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, абстрагирование, моделирование. Автор также опирался на частнонаучные методы – формально-юридический, историко-правовой, сравнительный и социологический. Применялся метод статистического анализа, включая описательную статистику и статистические выводы.

Результаты исследования

В статье делается вывод, во-первых, что отходы являются объектом права собственности, в отношении которого требуется установление научно-обоснованных правил утилизации. Следовательно, правомочие распоряжения данным объектом прав является ограниченным, в частности, в возможностях уничтожения или оставления. Во-вторых, как и любая другая вещь, отходы обладают стоимостью, которая носит первоначально отрицательный характер. Отрицательную экономическую ценность отходов с помощью механизмов правового регулирования необходимо преобразовывать в ценность положительную, что может обеспечить хорошо налаженная система вторичной переработки. В-третьих, автор выдвигает идею междисциплинарного подхода к аргументации системы мер, способных обеспечить извлечение из отходов экономической и социальной ценности.

Научная дискуссия

В Российской Федерации действует целая система нормативно-правовых актов, направленных на организацию работы с отходами. Центральное место в этой системе занимает Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89 «Об отходах производства и потребления»¹. Несмотря на почти тридцатилетний период своего действия, данный закон можно назвать современным, поскольку последние изменения и дополнения, внесенные в него, вступили в силу в сентябре 2025 года. Что касается точечных усовершенствований, то они вносились в закон, можно сказать, на регулярной основе. В законе имеется хорошо проработанная теоретическая база в форме нескольких десятков определений различных терминов. Так, под отходами предложено понимать вещи, образованные в результате производства или потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению. Таким образом для определения центральной категории законодателем был избран объективный критерий, связанный с происходящими процессами удаления, а не критерий субъективный, когда предметы становятся субъектам обладания не нужными, не желательными, отвергнутыми.

В организации работы с отходами законодателем выделены определенные виды отношений, включая сбор «удаляемых» вещей, их накопление, транспортировку, обработку, а также утилизацию и обезвреживание. Центральное место при этом отводится деятельности по утилизации отходов, когда они используются повторно, в том числе для производства продукции, оказания услуг или производства работ. Обращают на себя внимание цели регулирования общественных отношений, связанных с отходами производства и потребления, указанные в ст. 3 Закона. В числе такого рода

¹ Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

первоочередных задач указывается, во-первых, охрана здоровья людей, обеспечиваемая благодаря эффективной охране окружающей среды; во-вторых, обеспечение устойчивого развития общества посредством достижения оптимального сочетания экологических и экономических интересов общества; в-третьих, уменьшение количества отходов благодаря их комплексной переработке и вовлечению в экономический оборот.

В числе важных инструментов регулирования выделяются управленческие, включая проработанную систему полномочий субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в данной области, а также определение порядка лицензирования деятельности специализированных организаций.

С позиций регулирования отношений принадлежности, законодатель скрупулезно определяет особенности обращения с конкретными категориями-классами отходов, формулирует требования к местам их накопления. В части динамики имущественных отношений устанавливаются особенности отдельных видов договоров, например, договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами. Отдельные нормы посвящены плате за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов, а также мерам экономического стимулирования деятельности в области обращения с отходами. В завершающих главах законодатель регламентирует ответственность за нарушение законодательства в области обращения с отходами, хотя содержащиеся здесь статьи немногочисленны и носят, в основном, отсылочный характер.

Специальные Федеральные Законы принимаются для установления правил обращения с отдельными, в том числе особо опасными видами отходов. Так, Федеральный закон от 11 июля 2011 г. № 190-ФЗ в редакции от 21.12.2021 определил особенности обращения с радиоактивными отходами¹. Законодатель подразделил радиоактивные отходы на две большие группы – удаляемые и особые радиоактивные отходы. В свою очередь, удаляемые отходы классифицируются по целой системе критериев, а именно: в зависимости от удельной активности, периода полураспада, агрегатного состояния, содержания ядерных материалов. Законодатель установил субъектов права собственности на радиоактивные отходы. Так, до вступления в силу анализируемого закона, они считались собственностью Российской Федерации, а после – стали находиться в собственности организаций, в результате деятельности которых они образовались. Что касается пунктов захоронения этих отходов, то они могут находиться или в федеральной собственности, или в собственности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатоме». На собственников возложены обязанности по обеспечению безопасного обращения, безопасной эксплуатации, вывода из эксплуатации, закрытию пунктов их хранения. В нашей стране создана единая государственная система обращения с радиоактивными отходами, установлены особые требования к захоронению, правила их учета и контроля.

Стратегические вопросы развития отраслей промышленности, связанных с утилизацией отходов решает Правительство Российской Федерации. Также правительством утверждаются Правила обращения с отходами, в частности, с твердыми коммунальными отходами, и Правила лицензирования деятельности организаций, связанных со сбором, транспортировкой, утилизацией и обезвреживанием отходов. В «Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года», утвержденной Правительством Российской Федерации 25 января 2018 г. № 84-р был проведен объективный анализ состояния дел в области работы с отходами². Подчеркнуто, что в России накоплено свыше 30000 млн. тонн отходов. При этом 340 объектов с отходами являются источниками, составляющими угрозу жизни и здоровью людей. Свалками занято 4 млн. гектаров, и эта территория увеличивается ежегодно на 300-400 тыс. гектаров. Правительством было подчеркнуто, что количество отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, увеличивается. Для решения назревших задач по совершенствованию работы с отходами Правительством Российской Федерации был избран инновационный сценарий. Этот сценарий назван целевым и должен реализовываться поэтапно. Предполагается внедрение ресурсосберегающих технологий, высокотехнологичного оборудования, создание многофункциональных комплексов по сортировке и переработке отходов. Правительство поставило задачу создания эффективной системы организации и управления работами с отходами,

¹ Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 11.07.2011 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 29. Ст. 4281.

² Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р // Собрание законодательства РФ. 2018. № 6. Ст. 920.

начиная с раздельного сбора и заканчивая производством из вторичного сырья безопасной и конкурентоспособной продукции.

В системе нормативных источников, регулирующих отношения, связанные с отходами, определенное значение имеют и ведомственные акты. Так, например, Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 464 утвержден Административный регламент по лицензированию деятельности, связанной со сбором, обработкой и утилизацией отходов¹. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации своим приказом от 11 ноября 2024 г. № 677 утвердило Ветеринарные правила, касающиеся работы с биологическими отходами². Биологические отходы – это органические материалы животного и растительного происхождения. К ним относятся трупы животных и птиц, отходы медицинских учреждений, отходы производства, полученные на птицефабриках и мясоперерабатывающих предприятиях, просроченные или испорченные продукты. Эти отходы потенциально опасны и могут стать источником серьезных заболеваний. Вот почему ведомственные акты детально прописывают порядок их сбора, хранения и уничтожения. Для такого рода отходов используются закрываемые емкости, из которых исключается утечка. Особые требования предъявляются к процессам очищения и дезинфекции данных емкостей. Все эти, кажущиеся на первый взгляд, мелочами и незначительными вопросами, имеют колоссальное значение, поскольку в конечном итоге влияют на жизнь, здоровье и благополучие людей.

Совершенствование работы с отходами находится в центре внимания законодателей Краснодарского края. Так, помимо собственно специального закона региона от 29 февраля 2000 г. № 245-КЗ «Об отходах производства и потребления»³, Законодательное собрание края на регулярной основе обращается к этой теме, принимая постановления, анализирующие ход его исполнения. В августе 2025 года в регионе принята «Программа в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Краснодарского края»⁴.

Подводя же некоторый итог в анализе нормативных источников, регулирующих деятельности с отходами, подчеркнем, что в них неизменно присутствует норма, отсылающая к гражданскому законодательству в части регулирования права собственности на отходы. Следовательно, проблема права собственности на отходы является актуальной для гражданско-правовой науки и нуждается в углубленной проработке.

Тематика научных разработок, связанных с таким специфическим объектом гражданских прав как отходы, достаточно разнообразна, хотя и может быть сведена к решению двух проблем: определению центрального понятия и поиску путей эффективного управления отходами. В списке для авторского анализа представляется возможным включить публикации, представляющие исследователей различных отраслевых наук, что свидетельствует о междисциплинарном характере рассматриваемой проблемы. Начнем дискуссию с проблемы понимания категории «отходы», изложенной С.М. Найманом, представляющим Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Тупалева [7]. По авторской версии нормативное значение для классификации отходов имеют три основополагающих критерия: источник образования, степень опасности и агрегатное состояние. Что касается глубинной сущности, то, по мнению данного автора, она складывается из трех характеристик: во-первых, это загрязнитель природной среды; во-вторых, это объект платы; в-третьих, это источник вторичных ресурсов – материальных и энергетических, и именно эти признаки, подчеркивается в публикации, важно учитывать при создании механизмов правового регулирования. Автор критически оценивает известные нормативные подходы к определению отходов и призывает к усовершенствованию терминологии с целью ее «стандартизации» и «гармонизации».

¹ Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по лицензированию деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов I – IV классов опасности: Приказ Росприроднадзора от 26.07.2021 № 464 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Ветеринарных правил сбора, хранения, перемещения, утилизации и уничтожения биологических отходов: Приказ Минсельхоза России от 11.11.2024 № 677 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об отходах производства и потребления: Закон Краснодарского края от 13.03.2000 № 245-КЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении региональной программы в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Краснодарского края: Приказ министерства топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства Краснодарского края от 12.08.2025 № 478 // Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

Научный взгляд на понимание центральной категории – отходов высказан И.А. Игнатьевой – профессором юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова [2]. Обновленную терминологию законодательства об отходах автор называет «пространной», а новый подход к определению с использованием специального термина «удаление» считает не вполне удачным, ибо этот термин остался не раскрытым. Более того, обновленный подход к понятию не повлек за собой системного пересмотра всего массива законодательства, что приводит к неточностям и противоречиям на практике. По сути, сегодня, подчеркивает автор, не установлен порядок признания веществ или предметов отходами как таковыми без определения класса опасности. Иначе говоря, для того, чтобы появился специальный объект – отходы в конкретном правоотношении, он должен быть причислен к определенному классу опасности. Автор предлагает законодателю принять метод перечня групп отходов, закрепив понятие через систему этих групп. Одновременно иницируется введение понятия субъектного состава в деятельности по обращению с отходами. И такого рода предложение вызывает одобрение, ибо у специального объекта обязательно должен быть определен субъект. И здесь возникает вопрос соотношения понятий субъекта права собственности на отходы и субъекта деятельности по обращению с ними.

А.А. Колб, представляющая Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, проводит в своей публикации мысль о том, что законодательное определение отходов должно иметь межотраслевой характер и быть пригодным для применения в рамках экологического, природоохранного и гражданского законодательства [5]. Она утверждает, что от этой центральной дефиниции зависит, по существу, устойчивость всей системы обращения с отходами. Однако удачной действующую редакцию Закона № 89-ФЗ, предлагающую это определение, назвать нельзя. Термин «удаление» безличен и характеризует некое действие, возникающее и существующее независимо от лица, это действие производящего. Отсутствие «волевого» компонента лишает определение необходимых юридических признаков. Следовательно, действие по «удалению» необходимо наделить юридически значимыми признаками, связав его с вполне конкретным субъектом. Тогда понятие отходов будет иметь универсальное, межотраслевое значение.

А.В. Хорошавин, представляющий Санкт-Петербургский государственный университет, поднимает проблему построения эффективной системы утилизации отходов, выявляя несовершенства действующего на сегодняшний день порядка [8]. Так, по мнению автора, мешает достижению целей эффективности существование региональных операторов, которые являются монополистами в организации накопления отходов. Сегодня не создано также стимулирующих механизмов для тех, кто отдает «мусор». Они не имеют права выбора, кому отдать отходы, не имеют инструментов уменьшения расходов за услугу по обращению с отходами, не обладают правом на самостоятельную утилизацию. Создает неблагоприятные условия для устойчивой системы обращения с отходами и внедрение института энергетической утилизации. Мешает эффективной утилизации правовая неопределенность при превращении товара после его использования в отход, а отхода после утилизации в товар. Наконец, тормозящим фактором является отсутствие системы сбора объективных статистических данных по образованию, сбору и утилизации отходов. Автор делает вывод, что в сложившейся системе утилизации нет механизмов, позволяющих обеспечить внедрение принципов экономики замкнутого цикла.

Правовые проблемы утилизации электронных отходов поднимает в своей публикации Я.С. Казатенков, представляющий Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина [4]. Электронный мусор особенно опасен, так как содержащиеся в нем металлы и химические соединения при попадании в почву и атмосферу наносят значительный ущерб экологии. В России в среднем один человек выбрасывает 11–12 кг электронного мусора. При этом доля перерабатываемых экологичным путем электронных отходов не превышает 10% от ежегодно образующихся 1,5 млн. т. Автор выделяет недостатки в сложившейся системе работы с электронными отходами. Во-первых, это низкий уровень экологической культуры населения, который бы обеспечивал надлежащую их сортировку. Во-вторых, отсутствие эффективных стимулов для предприятий, занимающихся переработкой и утилизацией электронных отходов. Автор считает важным создание правового механизма, направленного на повышение эффективности деятельности субъектов предпринимательской деятельности, связанных с утилизацией электронных отходов.

Н.Л. Лисина, представляющая юридический институт Кемеровского государственного университета, поднимает проблему эффективности управления отходами, опираясь на изученный опыт зарубежного законодательства [6]. Автор намечает пути совершенствования организации управления отходами в России. Во-первых, важным автор считает принятие стратегического решения: полного отказа от захоронения отходов или создания устойчивой эксплуатационной практики управления

свалками. Во-вторых, в основе управления отходами, по мнению автора, должна лежать оценка жизненного цикла отходов, представляющая целостный подход к предотвращению появления отходов. В-третьих, система управления отходами должна быть интегрирована, включая в себя правовые, политические, экологические и социально-экономические аспекты. Наконец, важное значение имеет система мер ответственности за нарушение законодательства в сфере обращения с отходами. В ряде стран в этой области установлены исключительно уголовные наказания, что, как показывает практика, позволяет решать управленческие вопросы наиболее эффективно.

В.А. Ильменева, ведущий юрисконсульт ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», считает имеющей особое научное и практическое значение проблему отграничения отходов от побочных продуктов производства, которые можно вовлечь в производственный процесс с целью создания замкнутого экономического цикла [3]. Судебно-арбитражная практика обнажает трудности квалификации побочных продуктов. Так, Арбитражный суд Краснодарского края «осадки биологических очистных сооружений хозяйственно-бытовой канализации» квалифицировал как отходы производства и потребления¹. Тогда как апелляционная инстанция посчитала данный вывод неправильным, указав, что осадок сточных вод обладает потребительскими свойствами и может быть использован для производства органических удобрений. Таким образом, очевидно, что нуждаются в научной проработке вопросы формирования подходов к классификации веществ, используемых в качестве побочного продукта производства.

Т.В. Закупень, профессор РАНХиГС, обращает внимание на проблему переработки отходов, образующихся в промышленном производстве и при добыче полезных ископаемых [1]. Эти отходы составляют 86,8% от общего количества всех отходов. Переработка данных отходов позволяет извлекать из них ценнейшее сырье – гипс, редкоземельные металлы, золото, платину. Однако, на сегодняшний день не сложилось эффективного взаимодействия между собственниками отходов и субъектами предпринимательской деятельности, организующими работу по переработке этого ценнейшего сырья. Собственнику отходов выгоднее уплатить государству экологический платеж и штраф, нежели заниматься их переработкой. Таким образом, не создано стимулов для передачи права собственности на отходы их переработчикам. В свою очередь, переработчики не заинтересованы принимать на себя все бремя собственности на перерабатываемые отходы. Следовательно, нужны гражданско-правовые механизмы, позволяющие на взаимовыгодной основе осуществлять передачу права собственности на отходы от промышленных предприятий к переработчикам сырья. Гражданско-правовая наука должна предложить эффективные модели, которые бы обеспечили переход собственности прав.

Ричард Крамер, исследователь из университета Кейптауна в Южной Африке, предлагает концепцию отходов исключительно под углом зрения гражданско-правового регулирования, рассматривая их как объект права собственности [9]. С позиций автора, особенность объекта предполагает создание «жестких» механизмов, регулирующих их утилизацию. Ограничения в утилизации должны стимулировать процессы переработки, обеспечивая извлечение из отходов максимальной ценности. Автор подчеркивает, что, поскольку отходы являются объектом права собственности, гражданский закон должен быть гарантом, обеспечивающим их оптимальную стоимость.

Подводя итоги, можно заключить, что, во-первых, законодательный подход к определению понятия «отходы», как объекта права собственности, нуждаются в усовершенствовании с учетом как объективного, так и субъективного критериев. Во-вторых, законодательство России, регулирующее отношения в сфере утилизации отходов, является системным и современным, однако не в полной мере учитывающим гражданско-правовые аспекты регулирования. В-третьих, специфика «отходов» как объекта права собственности требует создания специальных механизмов, стимулирующих их эффективную утилизацию и переработку с целью извлечения максимально возможной ценности. В-четвертых, гражданское законодательство в определении пределов осуществления права собственности должно учитывать ограничения распорядительных возможностей собственников отходов. В-пятых, нуждаются в специальной разработке нетипичные договорные конструкции, обеспечивающие взаимодействие собственников отходов с субъектами их переработки. В-шестых, хотя проблема утилизации и переработки отходов имеет межотраслевой характер, усилия

¹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 23.09.2019 по делу № А32-28802/2019 [сайт]. Электронное правосудие; 2025 [обновлено 23 сентября 2019; процитировано 10 октября 2025]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/6649e413-2b44-43a9-8c0d-35ef174b6ec1>.

цивилистической науки в ее разработке минимальны. Настоящая публикация может быть импульсом для активизации усилий гражданско-правовой науки в деле реализации важных социальных задач.

Список использованной литературы:

1. Закупень Т.В. Особенности перехода права собственности на отходы промышленного производства в рамках заключения концессионных соглашений государственно-частного партнерства. *Хозяйство и право*. 2022;(4):90–105. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-4-90-105.
2. Игнатьева И.А. Правовые проблемы определения понятия «отходы производства и потребления». *Экологическое право*. 2018;(1):12–19.
3. Ильменева В.А. Формирование концепции законопроекта «О построении экономики замкнутого цикла». *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2025;(25(1)):81–86. DOI: 10.18500/1994-2540-2025-25-1-81-86.
4. Казатенков Я.С. Правовые аспекты проблемы утилизации электронных отходов в России и Китае. *Экологическая безопасность*. 2023;(6):145–150. DOI: 10.17803/2587-9723.2023.6.145-150.
5. Колб А.А. Определение понятия отходов, в том числе твердых коммунальных отходов, как объекта межотраслевого законодательного регулирования. *Аграрное и земельное право*. 2018;(186(12)):15–20.
6. Лисина Н.Л. О понятии и управлении твердыми коммунальными отходами в России и зарубежных странах: правовой аспект. *Аграрное и земельное право*. 2019;(179(11)):109–111.
7. Найман С.М. Содержательная основа нормативного понятия «отходы». *Экология и промышленность России*. 2015;(19(9)):49–53.
8. Хорошавин А.В. Проблемы правового регулирования, препятствующие построению эффективной системы утилизации отходов в Российской Федерации. *Вопросы истории естествознания и техники*. 2022;(10):93–99. DOI: 10.31857/S102694520017334-8.
9. Richard Cramer. Waste as property: The law's role in maximising value. *South African Journal of Science*. 2022;(118):1–4. DOI: 10.17159/sajs.2022/12426.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенникова Лариса Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заслуженный юрист Кубани, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-55-60>

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ФАКТОР
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Костенко Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В. Использование генеративного искусственного интеллекта в расследовании преступлений как фактор профессиональной компетентности следователя. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):55–60. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-55-60>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 440-53-25

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Статья принята к печати: 25.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (далее – ГИИ) таких как *ChatGPT*, *Claude*, *Gemini* и других больших языковых моделей (*LLM*), ставит перед правоприменителями при расследовании преступлений принципиально новые вызовы и открывает беспрецедентные возможности. На фоне усложнения криминальной деятельности, особенно в цифровой среде, формируется профессиональная дифференциация между следователями, интегрирующими ГИИ в свою практику, и теми, кто придерживается консервативных методов расследования. Ключевой проблемой является то, что отказ следователей от использования ГИИ приводит не только к объективному снижению эффективности расследования, но и формированию «когнитивного отставания» в данном виде правоохранительной деятельности.

Цель настоящей работы заключается в доказывании того, что следователь, владеющий и применяющий ГИИ, обладает существенным когнитивным и операционным преимуществом. Помимо этого, предлагается концептуальный алгоритм интеграции данных технологий в следственную деятельность.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*: анализ объективных когнитивных и информационных ограничений человека (следователя) при расследовании преступлений в условиях информационного избытка (колоссального количества информации), особенно при расследовании киберпреступлений; методологическое обоснование концепции ГИИ как «когнитивного усилителя» (инструмента расширения когнитивных возможностей, а не замены) следователя с выявлением конкретных механизмов этого усиления; доказывание тезиса о формировании профессионального разрыва между следователями, владеющими технологиями ГИИ, и теми, кто придерживается традиционных, консервативных методов расследования; разработка и обоснование концептуального алгоритма безопасной и эффективной интеграции ГИИ в следственную деятельность на основе концепта «человек в контуре» (*human-in-the-loop*); определение нового профессионального профиля следователя современной эпохи и необходимых условий для работы с инструментами ГИИ.

Методы исследования: системно-структурный анализ, формально-юридический метод, метод правового моделирования, а также элементы компаративного подхода при обращении к зарубежному опыту использования искусственного интеллекта в следственной деятельности.

Результаты: первый результат заключается в том, что ГИИ выступает в роли «когнитивного усилителя» следователя, а не его замены. Второй результат состоит в выявлении рисков и последствий отказа от применения ГИИ, которые равнозначны профессиональной стагнации. Третий результат связан с формулированием разновекторного алгоритма использования ГИИ в следственной деятельности, основанного на «контролируемой автономии» (*human-in-the-loop*).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственная деятельность, генеративный искусственный интеллект, большие языковые модели, расследование преступлений, киберпреступность, цифровые данные, когнитивное преимущество, интеграция технологий.

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. Этот процесс не только трансформирует социальные отношения и экономические связи, но и фундаментально изменяет структуру и ландшафт преступности. Трансформация криминальной реальности в постиндустриальное цифровое пространство создала фундаментальное противоречие. С одной стороны, сложились традиционные подходы к проведению следственной деятельности, которые формировались в условиях доминирования преступлений корыстного и насильственного характера. С другой стороны, возникла новая парадигма криминальной активности, где интеллектуальная компонента, технологическое воплощение и массивная обработка больших данных становятся не вспомогательными, а определяющими элементами преступного поведения.

Статистические данные, предоставляемые МВД РФ, подтверждают эту тенденцию. Если в 2019 году доля преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляла 15 процентов от общего количества зарегистрированных преступлений, то в 2024 году этот показатель достигнул 40 процентов, что свидетельствует об увеличении в 2,7 раза за пятилетний период¹. Абсолютные показатели являются еще более впечатляющими: в 2024 году зарегистрировано 765,4 тысячи киберпреступлений с совокупным ущербом более 170 миллиардов рублей. Эти цифры указывают на системный кризис в способности традиционных следственных парадигм адекватно реагировать на вызовы современной криминальности. В указанном контексте потенциал искусственного интеллекта для выявления и предотвращения преступной деятельности становится ключевым фактором эффективности уголовного преследования.

В зарубежной [8; 9; 10; 11; 12; 13] и отечественной [1, с. 351–355; 3, с. 678–687; 4, с. 142–148; 5, с. 1258–1266; 7, с. 272–275] доктрине активно обсуждаются перспективы внедрения искусственного интеллекта в уголовный процесс. Однако появление ГИИ, в частности, больших языковых моделей (*LLM*), выводит эту дискуссию на качественно новый уровень.

ГИИ в той форме, в которой он проявляется в системах вроде *ChatGPT*, *Claude*, *Gemini* и других трансформер-архитектурных моделей, представляет собой принципиально новый инструмент когнитивной обработки информации. Речь идет уже не просто об автоматизации рутинных задач, а о непосредственном участии ГИИ в когнитивной деятельности: анализе неструктурированных данных, генерации гипотез, выявлении скрытых связей и установлении закономерностей.

Несмотря на очевидные перспективы, в практике следственной деятельности формируется опасный «профессиональный разрыв». С одной стороны, имеются следователи, которые скептически относятся к внедрению ГИИ или вообще отказываются его использовать, полагаясь на традиционные подходы к расследованию преступлений. С другой стороны, начинает появляться новое поколение следователей, которые активно интегрируют ГИИ в свою деятельность и получают очевидные преимущества в скорости и качестве анализа материалов уголовного дела.

Настоящее исследование исходит из гипотезы, что в современных условиях отказ от использования ГИИ в следственной деятельности является не просто проявлением консерватизма, а объективным фактором, снижающим эффективность расследования и ведущим к профессиональной деградации следователя. Поэтому методологически важно обосновать тезис о когнитивном преимуществе следователя, использующего ГИИ, и предложить алгоритм безопасного и эффективного применения данных технологий.

¹ Официальное сообщение МВД РФ: Волк И. (представитель МВД РФ). Киберпреступность в России достигла 40% от общего числа преступлений в 2024 году [сайт]. Интерфакс; 2025 [опубликовано 20 января 2025; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://www.interfax.ru/russia/1003799>.

Методы исследования

Методология исследования обусловлена его междисциплинарным характером, находящимся на стыке уголовно-процессуального права и информационных технологий. Системно-структурный анализ позволил рассмотреть ГИИ не как чужеродный элемент, привнесенный извне, а как встраиваемый модуль в общую систему следственной деятельности, взаимодействующий с другими его компонентами. Формально-юридический метод применялся для анализа действующего законодательства на предмет выявления барьеров и имеющихся возможностей для интеграции ГИИ в процесс предварительного расследования. Метод правового моделирования использовался для разработки концептуального алгоритма применения ГИИ следователем в различных следственных ситуациях. Дополнительно применялись элементы сравнительно-правового анализа при обращении к опыту зарубежных стран в вопросах использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило установить три принципиальных результата, характеризующих роль ГИИ в следственной деятельности.

Первый результат заключается в концептуальном обосновании ГИИ как «когнитивного усилителя» следователя, а не его замены. Установлено, что следователь, не использующий инструменты ГИИ, объективно сталкивается с тремя существенными ограничениями: низкой скоростью обработки больших массивов информации, шаблонностью мышления, ограниченным личным опытом, и неэффективностью при работе с цифровыми следами. Напротив, следователь, интегрирующий ГИИ в свою практику, приобретает значительное профессиональное преимущество через механизмы ускорения аналитической деятельности, расширения «версионного» мышления, оптимизации подготовки следственных действий и автоматизации рутинных процессов.

Второй результат состоит в выявлении рисков профессиональной стагнации при отказе от применения ГИИ. Доказано, что в условиях стремительного роста киберпреступности (увеличение доли с 15% в 2019 году до 40% в 2024 году) следователь, придерживающийся исключительно традиционных методов расследования, становится профессионально неконкурентоспособным при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Третий результат связан с разработкой концептуального алгоритма интеграции ГИИ в следственную деятельность, основанного на принципе «человек в контуре» (human-in-the-loop). Алгоритм предусматривает применение ГИИ в трех направлениях: информационно-аналитической деятельности, подготовке процессуальных документов и поддержке принятия уголовно-процессуальных решений. При этом сохраняется центральная роль следователя как субъекта, принимающего окончательные процессуально значимые решения и несущего полную ответственность за результаты расследования.

Научная дискуссия

Полученные результаты требуют детального обсуждения с позиций как их теоретического обоснования, так и практической применимости в современной следственной практике.

Традиционная следственная деятельность исторически основана на когнитивных способностях следователя: его умении анализировать факты и обстоятельства совершенного преступления, строить следственные версии, выявлять противоречия в доказательственной информации. На протяжении многих десятилетий такой подход обеспечивал достаточный уровень эффективности расследования в условиях, когда объемы информации были управляемы и доступны для личного анализа.

Однако в условиях информационного избытка (появления больших данных), особенно при расследовании киберпреступлений, объем данных (логи, переписка, транзакции, метаданные и т.п.) часто превышает физические возможности человека (следователя) по их качественной обработке. Следователь, проводящий традиционный анализ тысяч страниц различных документов, в том числе и цифровых данных, может затратить на эту работу дни, иногда недели. ГИИ, напротив, способен выполнить суммаризацию, семантический поиск и аналитическую обработку необходимой информации за считанные минуты. В этой парадигме следователь, не использующий ГИИ, объективно находится в более уязвимом положении. Его когнитивная деятельность характеризуется тремя существенными ограничениями. *Во-первых*, низкая скорость обработки информации создает временной дефицит при анализе больших объемов доказательственного материала. *Во-вторых*, шаблонность мышления следователя, ограниченная его собственным опытом и временем службы, сужает круг проверяемых следственных версий и может привести к упущению более перспективных направлений расследования. *В-третьих*, неэффективность при работе с цифровыми следами

заключается в том, что без специализированных инструментов анализ сложных корреляций и скрытых связей в цифровой среде практически невозможен.

Напротив, следовательно, интегрирующий ГИИ в свою деятельность, получает существенное «интеллектуальное преимущество». ГИИ в этом контексте выступает в роли «когнитивного усилителя» (по аналогии с экзоскелетом, усиливающим физические возможности человека), выполняя следующие функции.

Функцию ускорения аналитической деятельности: она проявляется в том, что ГИИ мгновенно суммаризирует материалы уголовного дела, выявляет ключевые паттерны в установлении значимых обстоятельств совершенного преступления и обнаруживает противоречия в доказательственных материалах, которые могут быть упущены человеком (следователем) при стандартном анализе.

Функцию расширения горизонта «версионного мышления»: она состоит в том, что на основе анализа имеющихся данных ГИИ способен предложить не очевидные для человека (следователя) следственные версии, которые могут оказаться наиболее перспективными направлениями расследования.

Функцию оптимизации подготовки следственных действий: она заключается в том, что ГИИ может генерировать исчерпывающие списки вопросов для допроса конкретного участника уголовного процесса, основываясь на анализе его психологических характеристик и уже имеющихся в уголовном деле показаний.

Функцию автоматизации рутинной деятельности: она проявляется через подготовку проектов процессуальных документов, что высвобождает время следователя и позволяет ему сосредоточиться на когнитивной, творческой работе.

Таким образом, следовательно, не владеющий технологиями ГИИ, в ближайшем будущем рискует стать профессионально неконкурентоспособным и неспособным эффективно расследовать сложные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и это не проявление прогностического алармизма, а объективная закономерность развития следственной деятельности в эпоху больших данных и искусственного интеллекта.

Ключевой проблемой при внедрении ГИИ может стать не только нежелание следователя его использовать, но и недостаточное понимание того, как «правильно» применять эти технологии без риска нарушения уголовно-процессуальных норм и компрометации доказательств. Предлагаем концептуальный алгоритм интеграции ГИИ в следственную деятельность, основанный на концепте «человек в контуре» (*human-in-the-loop*), в соответствии с которым ГИИ является помощником и аналитическим инструментом, а следователь остается главным субъектом, ведущим предварительное расследование и принимающим уголовно-процессуальные решения. Этот алгоритм может быть реализован в следующих направлениях.

В области информационно-аналитической деятельности следователь сталкивается с необходимостью анализировать материалы уголовного дела и обрабатывать большие массивы неструктурированных данных, таких как протоколы следственных действий, документы, результаты оперативно-розыскных мероприятий, данные биллинга и телефонной переписки. В этих ситуациях следователь может направить запрос (промт) к ГИИ с целью получить суммаризацию фабулы уголовного дела и выявления недостающей информации. Кроме того, ГИИ может быть использован для предложения первоначальных следственных версий, основанных на анализе способа совершения преступления, мотивационной структуры и иных криминалистических данных. ГИИ способен сформировать конкретный алгоритм расследования применительно к каждому конкретному случаю, осуществить семантический анализ с целью поиска противоречий в показаниях различных лиц, выявить угрозы, свидетельства сговора или упоминание ключевых слов (адреса, суммы, имена) в переписке участников. На основе анализа коммуникационных данных ГИИ может визуализировать и идентифицировать социальные связи между различными участниками уголовного процесса. Особенно ценно, что ГИИ способен генерировать тактически выверенные вопросы для допроса конкретных лиц, основываясь на глубоком анализе их личностных характеристик и содержания их предыдущих показаний. После получения результатов такого анализа от ГИИ следователь критически их оценивает, верифицирует правильность выводов и адаптирует полученную информацию к системе конкретного уголовного дела.

Во втором направлении ГИИ значительно упрощает подготовку проектов ключевых процессуальных документов следователя, таких как постановления о возбуждении уголовного дела, протоколы следственных действий, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, постановления о прекращении уголовного дела, обвинительные заключения и другие документы. Следователь может направить запрос к ГИИ для генерирования шаблона (проекта) документа с

автоматическим заполнением фабулы уголовного дела, включая юридически грамотные формулировки и анкетные данные участников расследования (при условии соблюдения режима защиты персональных данных и требований информационной безопасности). После получения сгенерированного документа от ГИИ задача следователя заключается в полной юридической и фактической проверке текста, устранении возможных неточностей и корректировке содержания. Только после этого следователь своей подписью придает документу юридическую силу и процессуальную значимость.

В третьем направлении при принятии значимых уголовно-процессуальных решений следователю необходимо оценивать каждое доказательство с позиций его допустимости, относимости и достоверности. Совокупность собранных доказательств должна оцениваться с точки зрения их достаточности. Для реализации этих требований уголовно-процессуального доказывания следователь может направить запрос к ГИИ, который будет способен оказать поддержку и помощь в формировании внутреннего убеждения следователя при оценке доказательств, основываясь на логическом анализе их совокупности (по аналогии с байесовским подходом к вероятностной оценке информации). После получения выводов и рекомендаций от ГИИ следователь в соответствии со своим внутренним убеждением, критическим мышлением и знанием особенностей конкретного уголовного дела принимает процессуально значимое решение, за которое он несет полную ответственность.

Предложенный подход неизбежно встретит возражения со стороны критиков и сторонников традиционных методов расследования преступлений. Основные опасения, которые высказываются, связаны с так называемыми «галлюцинациями» ГИИ (генерация ложной или недостоверной информации) и вопросами правового регулирования использования этих технологий в правоохранительной деятельности. Действительно, риски применения ГИИ объективно существуют. Однако предложенный алгоритм, основанный на концепте «человек в контуре», эффективно купирует эти риски. ГИИ не самостоятельно расследует преступление, а лишь помогает следователю обрабатывать информацию и формировать аналитические выводы. Следователь остается главным субъектом, принимающим юридически значимые решения в ходе и по итогам расследования преступлений. Ответственность за ошибку, допущенную ГИИ и пропущенную следователем, лежит целиком на следователе, точно так же как на нем лежит ответственность за ошибки, допущенные его помощниками, стажерами или обусловленные его собственной усталостью или невнимательностью.

Дискуссия о внедрении технологии искусственного интеллекта в расследование преступлений ведется достаточно интенсивно в научной среде. В частности, обсуждаются вопросы создания автономных ИИ-агентов [2, с. 2–5], использования искусственного интеллекта непосредственно при производстве следственных действий [6, с. 67–77], регулирования этих технологий на законодательном уровне.

Авторское мнение по данной проблематике заключается в следующем: в настоящий момент вопрос ставится не в форме классической дилеммы «быть или не быть» ГИИ в следственной деятельности, а в форме практической задачи о том, как быстро и грамотно произвести его интеграцию, соблюдая правовые и этические требования. Отказ от ГИИ в современных условиях представляет собой не консервативную позицию, а сознательный выбор в пользу неэффективности и отставания. Следователь, который критически относится к ГИИ и отказывается его использовать, в скором времени окажется в положении, аналогичном положению следователя, который в 1980-х годах отказывался использовать результаты ДНК-анализа, считая их недостаточно надежными. Такой следователь будет неспособен конкурировать ни с технологически «продвинутым» злоумышленником, имеющим доступ к современным инструментам, ни с коллегами, уже интегрирующими в свою практику ГИИ и получающими очевидные преимущества от его использования.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в правоохранительной деятельности неизбежно формируется новый профессиональный стандарт следователя, неотъемлемой компетенцией которого становится владение инструментами ГИИ и понимание принципов его применения. Следователи, которые игнорируют эти технологии, объективно находятся в менее благоприятном положении в отношении скорости обработки информации, глубины аналитического подхода и способности расследовать сложные современные преступления, характеризующиеся большими объемами информационных данных.

Во-вторых, в настоящее время ГИИ не является заменой следователю и его профессиональному внутреннему убеждению. Напротив, ГИИ выполняет функцию «когнитивного усилителя», берущего на себя рутинную, информационно-емкую и технически сложную аналитическую работу, что позволяет следователю сосредоточиться на творческих, стратегических аспектах расследования.

В-третьих, предложенный концептуальный алгоритм, основанный на концепте «человек в контуре» (*human-in-the-loop*), обеспечивает безопасную, этичную и эффективную интеграцию ГИИ в практику предварительного расследования, минимизируя юридические и процессуальные риски.

В-четвертых, для успешной реализации этого подхода потребуется разработка специализированных методических рекомендаций для следователей по правилам и принципам работы с инструментами ГИИ. Кроме того, необходимо внесение существенных изменений в программы высшего юридического образования и повышения квалификации практических работников органов предварительного расследования, направленных на формирование у будущих следователей необходимых современных профессиональных компетенций в области использования технологий искусственного интеллекта.

Список использованной литературы:

1. Костенко Р.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности. *Теория и практика расследования преступлений: материалы XII Международной научно-практической конференции (Краснодар, 23 мая 2024 г.)*. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ; 2024.
2. Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. О возможности создания и использования ИИ-агентов в следственной деятельности. *Российский следователь*. 2025;(5):2–5. DOI: 10.18572/1812-3783-2025-5-2-5.
3. Костенко Р.В., Месинян А.Ш. Будущее уголовного процесса с учетом развития искусственного интеллекта. *Вестник науки*. 2025;(6):678–687.
4. Латыпов В.С., Галлямов Б.А. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: вопросы правового регулирования. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2025;(2):142–148.
5. Перетятко Н.М., Е. Федюнин А.Е. Перспективы и риски применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. *Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии: материалы XXI международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых (Москва, 27–28 марта 2025 г.)*. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте; 2025.
6. Семенцов В.А. Искусственный интеллект в следственных действиях. *Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности (Ижевск, 14–15 марта 2024 г.)*. Ижевск: Удмуртский государственный университет; 2024.
7. Трубачев Н.А. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в российский уголовный процесс. *Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 18 апреля 2024 г.)*. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя; 2024.
8. Alakayleh O. The Use of Artificial Intelligence Systems in Crime Detection and Prevention: Applications and Challenges. *SSRN Electronic Journal*. 2025;(02):1–23 [сайт]. Social Science Research Network; 2025 [обновлено 15 июня 2025; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://ssrn.com/abstract=5132225>.
9. Faqir R.S.A. Digital Criminal Investigations in the Era of Artificial Intelligence. *International Journal of Cyber Criminology*. 2023;(17(1)):189–208 [сайт]. Cybercrime Journal; 2024 [обновлено 30 ноября 2023; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://cybercrimejournal.com/menuscrypt/index.php/cybercrimejournal/article/download/189/71/333>.
10. Farber S., et al. AI as a decision support tool in forensic image analysis. *Forensic Science International*. 2025;(28):112–130 [сайт]. PubMed Central; 2025 [обновлено 5 марта 2025; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12046100/>.
11. Fischer T., et al. MULTI-CASE: A Transformer-based Ethics-aware Multimodal Investigative Intelligence Framework. *arXiv preprint arXiv:2401.01955*. 2024;(01):1–18 [сайт]. arXiv; 2024 [обновлено 15 января 2024; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://arxiv.org/abs/2401.01955>.
12. Kshirsagar V., et al. Artificial intelligence powered crime scene analysis service. *ScienceDirect*. 2025;(15):276–288 [сайт]. ScienceDirect; 2025 [обновлено 20 января 2025; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2215016125002766>.
13. Stoykova R. The AI Act in a law enforcement context: The case of artificial intelligence in investigative activities. *Computer Law & Security Review*. 2024;(54):1104–1122 [сайт]. ScienceDirect; 2024 [обновлено 10 апреля 2024; процитировано 24 октября 2025]. Доступно: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589871X24001104>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-61-67>

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЦА, СТРАДАЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И СТАВШЕГО ЖЕРТВОЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Шехов Э.О.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Шехов Э.О. Процессуальный статус лица, страдающего психическими расстройствами и ставшего жертвой преступления. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(4):61–67. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-4-61-67>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Шехов Эдуард Олегович, ассистент и аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: legioner2508@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Статья принята к печати: 28.11.2025

Дата публикации: 19.12.2025

Аннотация: Исследование посвящено основным проблемам защиты прав и законных интересов лица, страдающего психическими расстройствами, и ставшего жертвой преступлений. Рассматриваемые вопросы возникают на практике повсеместно и сопровождают участников уголовного судопроизводства на всех его стадиях. Трудности, возникающие при выявлении какого-либо психического заболевания у лица, потерпевшего от преступления, может послужить причиной утраты объективности и полноты при изучении обстоятельств совершения преступления. Отсутствие необходимых навыков и определённого опыта в этой части у должностных лиц досудебного производства при проведении следственных и иных процессуальных действий с участием таких граждан, может повлечь за собой нарушение их прав и, как следствие, признание полученных доказательств недопустимыми.

Целью исследования является рассмотрение актуальных вопросов, затрагивающих процессуальный статус лица, потерпевшего от преступления, и страдающего психическими расстройствами, с целью формирования единого подхода к оценке обстоятельств совершения преступления.

Задачей исследования является выработка рекомендаций по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих участие лица, потерпевшего от преступления, которое в силу своего психического заболевания не имеет полноценной возможности самостоятельно осуществлять защиту своих прав.

Методы исследования: диалектический, логический, системный, формально-юридический.

Результаты: разработаны рекомендации по дополнению уголовно-процессуального законодательства, направленные на соблюдение и восстановление прав данной категории граждан.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, психическое расстройство, защита прав и свобод лиц, потерпевших от преступлений.

Введение

Повседневно каждый человек сталкивается с различными ситуациями, отдельные из которых могут изменить его жизнь по воле случая до неузнаваемости. Соприкоснувшись с реальной опасностью совершения против него преступления человек переоценивает некоторые принадлежащие ему

ценности. Точность такой переоценки зависит от множества факторов, включая душевное состояние индивидуума, уровень подготовленности к ее восприятию и, наконец, его умственное развитие.

Однако человека невозможно подготовить к тому, что в отношении него может быть совершено преступление, а его следствием будет наступление таких тяжких последствий, как утрата физической трудоспособности либо получение психологической травмы. При этом далеко не каждая жертва преступления имеет возможность адекватно воспринимать характер совершаемых в отношении нее противоправных действий, исходя из своего специфического восприятия внешнего мира.

Поэтому возникает необходимость провести анализ процессуального статуса лица, страдающего психическими расстройствами, и ставшего жертвой преступления, но не способного самостоятельно осуществлять защиту своих интересов. Определение причинно-следственной связи между установлением расстройства психики потерпевшего и необходимым своевременным применением норм уголовно-процессуального законодательства, направленных на защиту жертвы преступления, является одной из основополагающих задач данного исследования.

Методы исследования

Методологическую основу данного исследования составляет диалектический метод, с помощью которого исследуются закономерности допущения определенных ошибок, совершаемых участниками уголовного судопроизводства в ходе проведения отдельных следственных действий с участием лиц, страдающих психическими расстройствами. Использование логического метода позволяет провести анализ норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих правовой статус потерпевшего, по результатам которого выработать рекомендации по их совершенствованию. С помощью системного метода исследования проводится функциональный анализ процессуального положения как потерпевшего, так и его представителей. Формально-юридический метод позволил провести исследование применения норм уголовно-процессуального права как непосредственно к лицу, потерпевшему от преступления, так и к иным участникам уголовного судопроизводства.

Результаты исследования

По результатам проведенного исследования сделаны выводы о необходимости выделения ряда особенностей производства по уголовным делам, по которым в качестве потерпевшего проходит лицо, страдающее психическими расстройствами разного типа, а также рассмотрения сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела. Обосновано авторское мнение, связанное с введением персональной ответственности представителя потерпевшего при установлении наличия его собственных (личных) интересов.

Научная дискуссия

Каждый этап уголовного судопроизводства, при всей его сложности и многозадачности, должен проходить в условиях соблюдения его назначения (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), где определен баланс между правами и законными интересами лица, потерпевшего от преступлений и правами человека, причастного к преступлению. Указанный факт требует от правоприменителя в каждом отдельном случае индивидуального подхода к осмыслению совершенного деяния в силу серьезной дифференциации преступлений, а также постоянно развивающихся способов их совершения.

На практике возникает реальная необходимость в разработке алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов и властных участников досудебного производства, по обеспечению прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступлений, которое не может в полной мере осуществлять свою защиту, для исключения ошибок уже на начальном этапе – в стадии возбуждения уголовного дела. Так, по мнению профессора В.А. Семенцова, решение об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое должностным лицом по результатам недолжным образом проведенной им проверки информации о совершенном преступлении, воспрепятствует реализации одного из основных конституционных принципов - доступа граждан к правосудию [10, с. 63].

Вопрос обеспечения прав и интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, неоднократно рассматривался на международном уровне. Ярким примером могут послужить «Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи», принятые резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1991 г.¹, где закреплено положение о том, что «все лица, которые страдают психическим заболеванием или считаются таковыми, имеют

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991 № 46/119 «Защита психически больных лиц и улучшение психиатрической помощи» // Доступ из СПС «Гарант».

право на защиту от экономической, сексуальной и других форм эксплуатации, злоупотреблений физического или иного характера и обращения, унижающего человеческое достоинство».

При обзоре нормативных правовых актов отечественного законодательства и судебной практики имеет смысл обратить внимание на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»¹, предусматривающее, что лица, страдающие психическими заболеваниями, должны быть отнесены к категории лиц, находящихся в беспомощном состоянии, лишенных возможности правильно воспринимать происходящее. Также в данном постановлении Верховный Суд указывает на необходимость установления правоприменителем характера физических и нравственных страданий, причиненных потерпевшему, исходя из его физических особенностей, среди которых отмечается состояние здоровья. Данная позиция находит свое отражение в уголовном законодательстве, где среди иных обстоятельств, отягчающих наказание за преступление, имеется и такое, как совершение преступления в отношении лица, заведомо находящегося для виновного в беспомощном состоянии.

Для более полного обзора рассматриваемой темы хотелось бы указать на то обстоятельство, что существуют психические расстройства, исключающие вменяемость, называемые психическими расстройствами психотического уровня, характеризующиеся нарушением мышления, поведения, восприятия реальности в целом, сопровождающиеся бредом и (или) галлюцинациями; психические расстройства, не исключающие вменяемости, именуемые психическими расстройствами непсихотического уровня, которые, в свою очередь, характеризуются наличием таких симптомов, как депрессия, тревога, навязчивые мысли, но исключающие проявление психоза, однако имеющие также хроническое, рецидивирующее течение, с периодами обострения.

На необходимость разделения данных психических расстройств на два типа указывает в своем исследовании Л.Г. Татьяна при освещении проблематики участия потерпевшего, имеющего психические расстройства [12, с. 731], поскольку такие лица, находясь в беспомощном состоянии, лишены возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, оставаясь пассивными участниками процесса, нуждаются в посторонней помощи. Л.Г. Татьяна справедливо отмечает, что доступ к механизмам правосудия для таких лиц затруднен и они остаются в неведении о своей роли в расследовании и судебном рассмотрении дела, сроках предварительного следствия и судебного разбирательства, а также об их результатах и последствиях². На систематические нарушения прав потерпевших, допускаемых со стороны правоприменителя, на стадии предварительного расследования, указывает Р.Я. Мамедов. [7, с. 217–218].

Обратим внимание на то, что во многих случаях полностью дееспособный потерпевший обращается за защитой своих прав, помимо государства, также и к адвокату, способному осуществлять юридическое сопровождение на всех стадиях уголовного судопроизводства, имея перед собой первоочередную задачу, выражающуюся в принимаемых мерах по восстановлению нарушенных преступлением прав и законных интересов его доверителя.

В связи с чем абсолютно закономерно возникает вопрос о том, как расценивать обращение лица, страдающего психическими расстройствами, с заявлением о совершенном либо готовящемся преступлении? Так, на момент подачи такой заявитель, столкнувшись с нарушением закона и находясь в стрессовой для него ситуации может недостоверно изложить обстоятельства, имеющие значение для дальнейшего разбирательства. По мнению А.Н. Корнеевой, наличие у потерпевшего нестабильного эмоционального состояния, являющегося последствием преступления, должно учитываться при даче правовой оценки полученным от него сведениям [5, с. 5].

Вместе с тем очевидным остается тот факт, что несвоевременное реагирование на данное обращение со стороны правоохранительных органов может повлечь за собой ряд негативных последствий. Нельзя забывать и о том, что правоприменитель имеет дело с лицом психически нездоровым, которое может не отдавать отчет своим действиям. На проблему, связанную с получением первичных данных от лиц, страдающих психическими расстройствами, при рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела, в своем исследовании обращают внимание Д.В. Татьянин и П.Л. Ишимов [11, с. 764].

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 223.

Уже на стадии предварительного расследования возникает вопрос об оценке исходных данных, полученных при проведении допроса потерпевшего, страдающего психическими отклонениями. Опровержение достоверности такой информации в случае отсутствия иных доказательств и свидетелей может перевесить чашу весов в пользу стороны защиты, которая, в свою очередь, будет ссылаться на недопустимость информации, полученной в ходе данного следственного действия. При указанных обстоятельствах сведения, полученные в ходе допроса потерпевшего как первоисточника информации о совершенном в отношении него преступлении, могут утратить свою доказательственную ценность. Установление заболеваний психики, по мнению Н.Е. Муллахметовой, требует от правоприменителя особого внимания при соблюдении прав и свобод данной категории граждан, а также более тщательной проверки достоверности данных ими показаний [8, с. 49].

Отметим также тот факт, что лицо, не отдающее отчета в своих действиях, само может выступать при определенных условиях провоцирующей стороной. Наличие психического расстройства у кого-либо из участников уголовного судопроизводства под час возлагает на правоприменителя дополнительный ряд обязанностей связанных с соблюдением их прав [3, с. 57]. Так, среди обстоятельств, смягчающих наказание, описываемых в ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации, указывается противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения в отношении него преступления. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, при которой действия провокационного характера совершаются при подстрекательстве со стороны психически здоровых лиц. Нахождение лица, страдающего психическими расстройствами и не осознающего социальную значимость своих действий, в группе (стихийный митинг), сопровождаемое наличием определенного чувства безнаказанности (нахождение в толпе), может вызвать у него неправильное восприятие своих поступков.

Еще Гюстав Лебон в своем труде «Психология народов и масс»¹ указывал на наблюдение у индивидуума, находящегося в толпе, снижения критического мышления и чувства персональной ответственности. Что же тогда можно сказать о действиях лица, восприятие которого, помимо всех описываемых внешних обстоятельств, отягощено каким-либо психическим расстройством? Имея целью получение признания со стороны членов данной группы и не чувствуя наступления отрицательных последствий за свои действия, такой гражданин сам может спровоцировать совершение в отношении него разного рода противоправных действий. Обладая данной информацией, правоприменителю необходимо рассматривать сложившуюся ситуацию в свете описываемых обстоятельств. В связи с чем видится, что каждая конкретная ситуация, как говорилось ранее, требует индивидуального подхода.

Согласно Федеральному закону от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»², указывают В.С. Хижняк и Е.А. Отставнова, обращение за психиатрической помощью является добровольным, из чего можно сделать вывод о том, что, по сути, многие лица, страдающие психическими заболеваниями и не считающие себя больными, при отсутствии явных симптомов могут оставаться до определенного момента латентными [15, с. 89].

Признаки вменяемости, на которые указывает законодатель, на практике являются достаточно расплывчатыми и весьма неоднозначными, требующими более детальной проработки. Находясь в ремиссии, такое лицо может даже не осознавать того, что нездорово, в связи с ослаблением либо временным исчезновением симптомов психиатрического заболевания. Психическое расстройство, не связанное со снижением интеллекта у человека, может быть выявлено только в зрелом возрасте либо не выявлено вообще. В связи с этим нельзя не согласиться с А.В. Сальниковым, указывающим на то, что вменяемость участников уголовного процесса не ставится под сомнение без наличия на то объективных причин [9, с. 11].

На допустимость таких доказательств, как показания лица, страдающего психическими расстройствами, не исключаящими вменяемость, указывают Д.И. Артемова и И.А. Паменкова, при этом обращая внимание на определенные трудности получения необходимых и подлинных сведений от их источника [1, с. 5]. Возможность лица обладать пониманием ситуации, которая с ним произошла, равно как и способностью передачи информации о ней в дальнейшем, по мнению О.В. Левченко, дает возможность отнесения данных им показаний к категории личных доказательств [6, с. 112].

¹ Густав Лебон. Психология народов и масс / [Соч.] Густава Лебона; Пер. с фр. А. Фридмана и Э. Пименовой. Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1896.

² О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что лицо, страдающее психическим расстройством непсихотического уровня, все же способно сообщить необходимые факты о совершенном преступлении. На основании чего, при проведении допроса потерпевшего основную роль играет возможность лица, осуществляющего данное следственное действие, вычленив достоверные сведения, имеющие отношение к совершенному преступлению, из общего пласта информации, исходящей от допрашиваемого. Исключение неумышленного искажения правдивых сведений потерпевшим, в свою очередь, достигается установлением вербально-коммуникативного контакта с допрашиваемым, созданием для него условий, исключающих явное (открытое) давление со стороны допрашивающего. Немаловажную роль при этом может сыграть представитель потерпевшего – лицо, знающее потерпевшего близко и имеющее реальную возможность оказать помощь при установлении объективной истины. В связи с чем, четкой регламентации институт представительства лиц, страдающих психическими заболеваниями. Как указывают Е.М. Варпаховская и А.В. Холодов, при ключевой роли данного участника уголовного судопроизводства, к основным обязанностям государства необходимо отнести усиление контроля, исключающего наличие личной заинтересованности представителя в исходе дела, идущей вразрез с интересами представляемого [2, с. 36–37].

На основании изложенного, считаем недопустимым халатное отношение к своим обязанностям лиц, осуществляющих такое представительство, не только с нравственной, но и с юридической точки зрения. Ужесточение персональной ответственности в отношении таких лиц может сыграть свою роль. Злоупотребление правом со стороны данного участника уголовного судопроизводства является полностью недопустимым. В то же время необходимо понимать, что привлечение профессиональных представителей должно обеспечиваться государством, которое должно брать на себя все расходы, связанные с их участием, как это делается в случае с несовершеннолетним потерпевшим [4. с. 237].

Далее, подробнее хотелось бы разобрать тот факт, что при установлении обстоятельств совершения преступлений на стадии возбуждения уголовного дела, при достаточных основаниях полагать, что заявитель может быть психически нездоров, уголовно-процессуальным законом предусмотрена возможность привлечения специалиста, который при проведении необходимого в этом случае освидетельствования имеет возможность сделать вывод о состоянии здоровья заявителя. Однако неоднозначной остается позиция законодателя, который, в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ, указывает на возможность проведения в отношении потерпевшего освидетельствования в случаях, не терпящих отлагательств, до возбуждения уголовного дела, когда его процессуальный статус по факту еще не установлен. Кроме того, необходимо учитывать, что согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование производится лишь тогда, когда не требуется судебная экспертиза. Следует также учитывать, что данное следственное действие может проводиться в случаях необходимости оценки достоверности показаний, данных потерпевшим, без его согласия.

Вместе с тем, не ясно, каким образом расценивать такие действия со стороны правоприменителя, если по действующему законодательству процессуальный статус потерпевшего обретается только после возбуждения уголовного дела. Усматриваем здесь реальную необходимость в дополнении указанной статьи предписанием, регламентирующим процесс прохождения освидетельствования, направленного на выявление психического расстройства у заявителя, и решение вопроса о возможности его дальнейшего участия в проведении процессуальных действий.

Исходя из вышеприведенных фактов, есть основание для утверждения, что на сегодняшний день достаточно остро встает вопрос о наделении заявителя, равно как и его представителя, правами и обязанностями, выражающимися в придании ему процессуального статуса «заявителя», что, по мнению профессора О.В. Гладышевой, само по себе должно кардинально повлиять на ход событий и действий со стороны правоприменителя на стадии возбуждения уголовного дела и не допустить в некоторых случаях необратимых последствий, таких как утрата первоначальных доказательств, которые в силу временных рамок могут быть утеряны безвозвратно, либо совершения новых преступлений в принципе¹.

Думается, что уже при подаче заявления и обретении процессуального статуса заявитель, это лицо, помимо приобретенных прав, должно иметь и ряд обязанностей, среди которых – невозможность отказа в прохождении освидетельствования с участием врача-психиатра, при наличии на то веских причин, выявленных на стадии возбуждения уголовного дела и ставящих вопрос о его вменяемости, по аналогии с требованиями п. 4 ст. 5 ст. 42 УПК РФ, в соответствии с которым потерпевший не вправе

¹ Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 205.

уклоняться от прохождения освидетельствования, от проведения в отношении него судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Кроме того, особого внимания требует вопрос назначения и проведения судебно-психиатрической экспертизы. Так, в соответствии с п. 4 ст. 196 УПК РФ, назначение судебно-психиатрической экспертизы, среди прочих оснований, обязательно для установления наличия того или иного расстройства психики, не позволяющего ему объективно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для расследования, а также давать достоверные показания. На этапе вынесения постановления о назначении данной экспертизы самого пристального внимания требует составление вопросов, ставящихся перед экспертом, ответы на которые должны раскрывать всю суть психического состояния потерпевшего. К основным, среди выясняемых обстоятельств, следует отнести: способность заявителя (потерпевшего) адекватно воспринимать события самого преступления, обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела; возможность давать достоверные показания; выявление признаков повышенной внушаемости, зависимости, эмоциональной нестабильности; установление влияния психических особенностей на мотивацию поведения потерпевшего в различных ситуациях. Заключение эксперта может в корне поменять весь ход расследования уголовного дела, изменить доказательственную ценность всех следственных действий с участием лица, в отношении психического состояния которого она и проводится. В связи с чем невозможно не согласиться с мнением Е.А. Трусовой, указывающей на наличие определенных проблем, касающихся правового статуса судебно-психиатрической экспертизы, касающихся обеспечения объективности и достоверности ее результатов [14, с. 106].

Особого внимания требует обеспечение прав и восстановление законных интересов лиц, которые стали психически нездоровыми в результате совершения в отношении них преступления. В обоснование своих выводов хотелось бы дать четкое определение тому, что человек с психическим заболеванием, приобретенным в результате противозаконных действий, как правило, не имеет реальной возможности самостоятельно осуществлять свою защиту в полной мере. В связи с этим, при утрате дееспособности потерпевшим, социальная значимость данной проблемы становится гораздо более обширной, исходя даже из того, что он мог быть единственным кормильцем и, следовательно, основным источником дохода не только для себя, но и для членов его семьи. Данный факт требует от законодателя нормативного закрепления получения единовременной выплаты от государства как социальной гарантии для потерпевшего. Эта идея отнюдь не нова. Указанной проблеме о предоставлении компенсации потерпевшему был посвящен проект федерального закона «О потерпевших от преступлений», разработанный Следственным комитетом Российской Федерации совместно с Общественной палатой. Однако до настоящего момента данный вопрос остается открытым. Также в связи с изложенным, хотелось бы обратить внимание на постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2024 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.»¹, в котором указывается что психическое расстройство возникшее вследствие нанесения потерпевшему тяжких телесных повреждений может в отражаться в дальнейшей неспособности адекватного восприятия им объективной действительности. В данном случае в отношении указанного лица проводится именно судебно-медицинская с привлечением врача-психиатра, который делает вывод о наличии причинно-следственной связи между совершенным преступлением и наступившим болезненным состоянием психики у исследуемого [13, с. 115].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что на сегодняшний день существует реальная необходимость обеспечения соблюдения прав лица, потерпевшего от преступления, и страдающего психическими расстройствами, выражающееся в привлечении для освидетельствования врача-психиатра. Кроме того, требует четкой регламентации институт представительства для лиц, страдающих психическими заболеваниями.

Детальной проработки требует процессуальный статус заявителя о преступлении как участника уголовного судопроизводства, что обусловлено необходимостью более эффективного реагирования на преступления, где потерпевшей стороной является лицо с психическими отклонениями, а также

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обязанностью соблюдения одного из основных конституционных принципов, гарантирующего жертве доступ к правосудию, реализуемый на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Артемова Д.И., Паменкова И.А. Проблемы участия обвиняемых с психическими недостатками в уголовном процессе России. *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2016;(4(2–14)) [сайт]. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»; 2025 [обновлено 1 июня 2016; процитировано 15 октября 2025]. Доступно: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/artemova_di_pamenkova_ia_16_2_09.pdf.
2. Варпаховская Е.М., Холодов А.В. Вопросы защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений и страдающих психическими заболеваниями. *Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации*. 2013;(35(3)):34–38.
3. Елфимов П.В. Особенности применения норм уголовно-процессуального законодательства к лицам, имеющим психические аномалии. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023;(1):56–61.
4. Калинин В.Н. Законодательное совершенствование процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе. *Вестник Московского университета МВД России*. 2014;(10):232–243.
5. Корнеева А.Н. Оценка достоверности показаний потерпевшего. *Научный журнал КубГАУ*. 2010;(62(8)):1–12.
6. Левченко О.В. Классификация доказательств в уголовном процессе. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2013;(152(3)):111–114.
7. Мамедов Р.Я. Актуальные проблемы обеспечения прав потерпевших на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. *Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всероссийской научно-практической конференции: Ч. 1 (Краснодар, 28 марта 2025 г.)*. Краснодар; 2025.
8. Муллахметова Н.Е. Жертвы преступлений с психическими расстройствами. *Виктимологический и уголовно-процессуальный аспекты*. 2017;(12(2)):46–50.
9. Сальников А.В. Доказательственное значение следственных действий с участием лиц, страдающих психическими заболеваниями. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2016;(78(3)):9–14.
10. Семенцов В.А. Обеспечение прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела. *Общество и право = Society and law: научно-практический журнал*. 2019;(68(2)):62–67.
11. Татьяна Д.В., Ишимов П.Л. Дискуссионные вопросы установления психического состояния лица в стадии возбуждения уголовного дела и при проведении неотложных следственных действий. *Вестник Удмуртского Университета*. 2025;(35(4)):764–768.
12. Татьянина Л.Г. Участие в уголовном процессе потерпевшего, имеющего психические расстройства (нерешенные вопросы). *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2024;(34(4)):729–733.
13. Тетюев А.М., Кулинчик Н.И. Актуальные вопросы судебно-медицинской оценки психогенно возникших психических расстройств у потерпевших (обзор литературы и современное состояние проблемы). *Вестник Витебского государственного медицинского университета*. 2013;(12(2)):113–118.
14. Трусова Е.А. Правовое положение судебно-психиатрической экспертизы в уголовном судопроизводстве. *Научный журнал «Закон и Власть»*. 2023;(2):105–108.
15. Хижняк В.С., Отставнова Е.А. Международно-правовая политика в области защиты прав лиц с психическими расстройствами и российское законодательство. *Неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова*. 2015;(115(5)):86–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шехов Эдуард Олегович

ассистент и аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»